

18+

ЧАСТЬ 4.
Контроллеры реальности

ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА

КАДОТА

КАДОТА

Лисавета Челищева

Кадота: Контроллеры реальности

«Автор»

2026

Челищева Л.

Кадота: Контроллеры реальности / Л. Челищева — «Автор»,
2026 — (КАДОТА)

Им удалось сбежать с острова и перебраться в Ведасград — город, окружённый барьером от психически больных. Но не долго пришлось радоваться. Ди пытается удержать отношения с Виком, но после операций, которые едва не стёрли его личность, с ним что-то не так. На ночных улицах Ди встречает парня в красной шапке. Он говорит загадками и знает о ней то, чего знать не должен. Учёный из башни предлагает терапию, которая раскроет природу её способностей. Но чем глубже Ди погружается в эксперименты, тем сильнее стирается грань между реальностью и кошмаром. А в заброшенной деревне протестантов собирают армию. Её лидер когда-то поклялся уничтожить Серые власти. И теперь он узнал, что девушка, которую он любил и оплакивал, жива. И она совсем рядом.

Содержание

Голос в ночи	5
Адаптация и ложь	9
Ночной звонок	22
Простая просьба	39
Дьявольский час	46
Маска из стекла	68
Проверка доверия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лисавета Челищева

Кадота: Контроллеры реальности

Голос в ночи

Эфир был пуст. В час, когда Ведасград засыпал — или делал вид, что засыпает, — когда неоновые рекламные экраны переключались на умиротворяющие голограммы, а богоборцы патрулировали лишь главные артерии города, наступало время теней. Время тех, кто ещё не потерял способность слышать.

Сигнал шёл через пять каналов, трижды перекодированный, рассеянный по спутникам, которые давно числились мёртвыми. В трущобах, в подвалах, в промёрзших коммуналках, там, куда не доходили волны официального вещания, экраны иногда загорались сами.

Иногда.

Изображение на них было зернистым, звук — прерывистый, похожий на дыхание умирающего. Но те, кто смотрел, уже не могли оторваться.

Старик появлялся на экране внезапно, будто материализовывался из помех. Его лицо было испещрено морщинами, впалые щёки делали его вид жутковатым, седая щетина, глаза — такие мутные, что в них, казалось, поселилась сама пелена с историями всех рас.

Он сидел в кресле, которое могло быть и треном, и электрическим стулом, судя по нагромождению проводов и блоков у его ног. Обстановка вокруг тонула в полумраке, лишь его лицо было освещено резким, холодным светом, выхватывающим каждую трещину, каждый прожитый год.

Он не представлялся. В его надтреснутом голосе не было нужды в приветствиях.

— Если всё, что мы считали реальностью, — лишь отражение ограниченного восприятия нашего тела, — начал он не спеша, будто обращался не к зрителям, а к самому себе, к той части сознания, что ещё не была заглушена электричеством, — то где заканчивается иллюзия и начинается истина?

Старик замолчал, давая вопросу задержаться в эфире. В тишине слышался только треск помех — как сверчки в летнюю ночь. Как сверчки на острове.

— Фактически, этот мир — наше сознание, застрявшее в трёхмерной ловушке, в физическом теле, которое мы ошибочно принимаем за себя. Всё, что мы видим, слышим, осязаем, — не более чем интерпретация сигналов, пропущенных через фильтры страха, желания, привычки. Мы не воспринимаем реальность, товарищи. Мы конструируем её.

Старик наклонился вперёд, и свет упал на его кисти — сухие, тонкие, с вытатуированными символами, смысл которых давно стёрся.

— Любая религия всех рас учит, что этот мир — ложный. Что существует рай, или иная базовая реальность, куда мы возвращаемся, когда сбрасываем оковы плоти. Но рай, — он сделал паузу на этом слове, — это не то, что вы себе представляете. Не сады с молочными реками. Не встречи с умершими предками. Рай — это состояние. Состояние, в котором работа вашего сознания не искажена болью, временем и страхом смерти.

Он откинулся в кресле, его тень метнулась по стене.

— А мы, товарищи, существуем в пределах этой искажённой системы восприятия. Наше тело — не источник. Оно — приёмник. Антенна, настроенная на определённую частоту. И Серые власти, — он произнёс это с особым презрением, — они не просто контролируют наши тела. Они перестраивают наши приёмники. Они вживляют чипы, гонят через экраны свою пропаганду, таблетками выжигают из нас способность чувствовать настоящую боль — и настоящую радость. Очнитесь же!

Взгляд старика стал жёстче. Он смотрел прямо в камеру, и от этого взгляда становилось не по себе даже тем, кто давно уже разучился чувствовать.

— Наш ум работает вне физического тела. Без времени, без материи, без ограничений. Всё, что вы переживаете здесь — страх, гнев, ревность, — существует только в мире, где есть прошлое и будущее. Только в мире, где вы боитесь потерять то, что имеете, или не получить того, чего хотите. Но любовь, удовлетворение, радость — это не просто эмоции. Это проявления вашего глубинного состояния. Состояния, которое становится доступным, когда вы освобождаетесь от временных рамок.

Старческий голос окреп, в нём прорезалась та самая редкая, настоящая убеждённость, которую не купить и не вживить чипом.

— Рай — это не место. Его не найти на карте, не достичь, вколов себе очередную дозу синтезированной эйфории. Рай — это ясность ума. Состояние, в котором ваше восприятие больше не искажено. В котором вы видите мир не через призму страха, навязанного вам теми, кто кормит их вашими же отчаянием и болью.

Он помолчал. Эфир зашипел громче, будто невидимая рука пыталась нащупать источник сигнала и заглушить его.

— Не ждите спасения! Спасти себя можете только вы сами. Отключитесь от системы. Перестаньте быть приёмниками их лжи. Проснитесь! Пока ещё есть к чему просыпаться.

Экран дёрнулся, покрылся рябью помех. Старик на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то, чего зрители не могли слышать.

— Они уже идут, — тихо сказал он, оглянувшись назад. — Но это все равно ничего не изменит.

Треск помех усилился. Силуэт старика начал распадаться на черно-белые волны.

— Запомните: вы не тело, у которого есть душа. Вы — душа, у которой есть тело. И никакой чип, никакая таблетка не сможет этого изменить! Пока вы не перестанете в это верить.

Экран погас.

Но через секунду — слишком короткую, чтобы успеть осознать задержку, — он вспыхнул снова. Теперь на нём были не лицо старика, не его провода и кресло. Теперь на нём был он сам — стоящий, выпрямившийся во весь рост, со связанными за спиной руками. Свет одинокой лампочки мигал и блуждал по комнате.

Вокруг него были люди в темной форме. Их лица были скрыты шлемами, на груди — символ перекрещённых мечей, остриями вниз. Символ власти серой расы. Символ их контроля.

Ровный голос за кадром, лишённый пола и интонаций, зачитывал приговор:

— Гражданин Мирослав Краль, идентификационный номер 005-ГП-77, признан виновным в нарушении следующих статей Криминального Кодекса: Статья 093 — несанкционированное вещание, подрыв общественного порядка. Статья 654 — выражение несогласия с идеологией и политикой властей. Статья 723 — распространение материалов, дискредитирующих систему контроля. Приговор: публичная казнь. Приводится в исполнение немедленно.

Старик — Мирослав Краль — не смотрел на зачитывающих приговор чистильщиков. Его глаза были устремлены не на палачей, не на камеру. Они смотрели куда-то сквозь, туда, где, возможно, была та самая ясность, о которой он говорил.

Он не просил пощады. Не пытался оправдаться. Его губы шевелились — беззвучно, но отчётливо.

Он молился.

Или просто говорил с теми, кто ещё мог слышать, сквозь помехи, сквозь страх, сквозь саму смерть.

— Проснитесь, — прозвучало последним, что успели разобрать динамики, прежде чем прогремели выстрелы.

Тело старика дёрнулось, обмякло и рухнуло на бетонный пол.

Экран не погас сразу. На нём ещё секунду держалось неподвижное изображение — безвольная рука, печать казни на стене.

На второй минуте сигнал оборвался. Экраны погасли, возвращая своим хозяевам официальные новости Ведасграда — о рекордных урожаях синтетического белка, о новом этапе программы «Чистота», о том, что жизнь в столице прекрасна, безопасна и полностью контролируема.

Но те, кто всё же успел увидеть эту короткую передачу — те, кто сидел в подвалах, в трущобах, в забытых богами и людьми углах, где связь ловилась с трудом, — они уже не могли сделать вид, что ничего не произошло.

Потому что тот старик говорил правду. Или ту её часть, которую можно было высказать, прежде чем голос прервут навсегда.

И где-то глубоко под землёй, в бункере, превращённом в студию, осталась лишь дымящаяся аппаратура, запах кордита и кровь на бетоне. Богоборцы уходили, оставляя после себя только тишину — ту самую, что наступает, когда замолкает последний голос спящего города.

Но эфир, как и правда, не умирает. Не стирается.

Он просто ждёт.

Ждёт тех, кто продолжит.

Тех, кто осмелится подать голос.

Адаптация и ложь

Часть 1

МИЯ

Дождь за окном — не ливень, не морось, а какая-то бесконечная стена из воды. Она льёт уже третий час. Стекла оранжереи запотели, и город внизу превратился в размытое пятно. Только верхушки самых высоких зданий торчат из тумана, как серые монолиты из ваты.

Я сижу в гамаке. Платье чёрное, вязаное, тянется на коленях. Чай давно остыл, но я всё равно делаю глоток — горько, травянисто, почти без вкуса. Блокнот раскрыт на последней странице. Ручка застыла в пальцах.

Шесть недель.

Шесть недель назад началась новая глава в моей жизни. И не потому, что я остригла волосы коротко, как всегда хотела. И не потому, что теперь сплю одна в комнате с высоким потолком и видом на южный сектор. А потому, что дирижабль тогда сел, и дверь открылась, и мы вышли в аэропорт Ведасграда.

И так началась новая жизнь.

Нас встречали. Огромная, шумная толпа. С плакатами, с этими дурацкими вспышками прямо в лицо, с криками, от которых закладывает уши. Я тогда ещё не поняла: кто я для них? Думала, герои. Ну, как в кино — возвращаются же с победой, да? А оказалось — нет. Половина из них реально смотрит как на героев. А вторая половина — на меня, особенно на меня, — как на убийцу. Ту самую, что перерезала трос. Ту, из-за которой Тим не вернулся. Та, что заслуживает петли.

Я тогда ещё не знала, что привыкну. К ненависти привыкаешь быстрее, чем к уважению. Интересно.

Похудела. Лицо осунулось, скулы острее стали. В зеркале теперь другой человек. Когда отрезала волосы, стало как-то легче. Будто сняла с себя часть ноши. Коротко, почти под мальчика. Иржи сказал — дерзко. Сказал — тебе идёт. Я тогда подумала: он единственный, кто не смотрит на меня с укором.

Но это было потом. Сначала нас забрали представители Ведасграда. Посадили в машины, повезли через город. Я почти ничего не запомнила — только серые здания, пустые улицы, бетонные заборы. И башню. Когда мы подъехали, я подняла голову, и шея затекла, пока я долго пыталась разглядеть верх этой махины.

Девяносто девять этажей.

Теперь я знаю, как это устроено. Башня — небольшой город в городе. Магазины, секции, больницы, охрана, жильё. Всё своё. Чем выше этаж, тем больше у тебя прав и возможностей. На десятом нас приняли поначалу — стерильный холл, пластиковые стулья, отсутствие какого-либо запаха. Человек в сером костюме говорил с нами заученным текстом, без интонаций.

Итак, после всей этой тягомотины мы выяснили почти ничего. Но хоть нас ввели в курс дел: Ведасград — город закрытый, как консервная банка. Представь себе: со всех сторон этот дурацкий высоченный барьер, а за ним — сплошное заражение. Я тогда чуть не рассмеялась, честное слово. От абсурда. Мы променяли шило на мыло! Остров с бездумцами — на огромный закрытый город. Только вирус здесь иной. С виду обычный человек, а внутри — опасный псих. И это хуже, наверное. Потому что с виду фиг поймёшь. Улыбается тебе, руку подаёт, а через секунду — всё. Кукуха летит и нож в руке. Благо, всех таких когда-то выселили за барьер. Но эта зараза всё равно как-то проникает обратно в город. Опасные психологические расстройства, которые подхватываются непонятно как: то ли через воздух, то ли через касание, то ли просто потому, что ты оказался рядом с больным. Никто не знает. Вообще никто.

А ночью, значит, эти заражённые, что за барьером, лезут в город. Находят какие-то лазы, щели — и прут. Почему именно ночью? Нам сказали, днём барьер под высоким напряжением. Подойдёшь — и готово, шашлычок. А ночью, в строго определённые часы, напряжение сбрасывают — системе нужна перегрузка. Вот у психов и появляется шанс. Идиоты счастливые, пытаются свою судьбу в темноте. Лезут за общественными «благами». И пока эти зараженные шарятся по городу в поисках пропитания и тепла, они по дороге косят всех, кто случайно оказался на улице. Заражают — просто так, мимоходом. Поэтому ночью жителям Ведасграда строжайше запрещено высовывать нос из дома. Ни шагу. Не приближаться к барьеру. Не дышать в сторону выхода из дома. Запрещено, запрещено, запрещено. Красота, правда? Прямо райский уголок. Технополис номер два.

Потом, после первого инструктажа, нас покормили, переодели — и начался разбор полётов, то есть ролей. Физическая форма у меня, оказалось, неплохая. И меня засунули в СОФ. Служба Очищения Фонда. Звучит жутковато, правда? Но на деле — это элитный ночной патруль. Там им нужны те, кто может бегать, не бояться крови и не страдать жалостью. Много ребят, кого вытащили из технополиса «КРАЙ» или из лагерей ИСА, подходят под эти требования. Вот сейчас нас активно дрессируют. Инструктажи, тренировки до седьмого пота. Выйдем уже через несколько недель патрулировать город — проверять «чистоту» граждан. У СОФ там специальное оборудование хитрое: сканирует генетику, выискивает дефекты и психические расстройства. Если находим заразу — забираем больного. Дальше передаём его в другие руки, кому положено. А что с ним потом происходит? Я уже не знаю. И честно? Не уверена, что хочу знать.

Что ещё нового? Вика тоже взяли в СОФ. С руками оторвали, конечно. Такую машину — для устрашения населения самое то. Только вот после того скандала с его биографией, после того, как Ди вырвала его из лап операционной технополиса, он стал другим. Тише. Злее. Не разговаривает без нужды — вообще. Я иногда ловлю его взгляд и мурашки по коже, серьёзно. Меня аж воротит от него. Честно. И что в нём только Ди нашла? Дикий взгляд, озлобленный. Точно зверь, которого не кормили долго. Не знаю, о чём он думает. И что думает обо всём этом. Но догадываюсь. И догадки у меня — невесёлые.

А вот Ди в СОФ к нам не взяли. По здоровью. Бред, конечно. У неё здоровье — как у терминатора. Но бабушка у неё — Богдан Калиш, председатель Совета городской безопасности (короче, СГБ). И он решил, что его внучка не будет по ночам бегать по городу с оружием и рисковать подхватить заразу от тамошних шизиков. Ди тогда долго ругалась с нашим руководством, аж искры летели. Не взяли, хоть тресни. Сначала она злилась, потом затихла. Я, конечно, понимала, в чём дело. Не в службе вообще. Просто хотела быть ближе к Вику. Теперь ведь они видятся редко — из-за этого всего. Моё личное мнение? Всё к лучшему. Пусть держится подальше. И от него, и от всей этой дурной истории.

Но вот что странно: о существовании бабушки Ди узнала только здесь, когда мы приехали и зарегистрировались в башне. Отец Ди скрывал. Зачем — не знаю. Может, хотел защитить. Может, там была какая-то обида или ссора. Но Рахим Калиш остался в технополисе. Говорят, канул в лету вместе со своим детищем. Я не уверена, что он вообще был человеком к тому моменту. А тут Ди встретила с бабушкой. Он спустился сам, чтобы найти её на нашем этаже. Оказывается, как только ты регистрируешься и тебе назначают этаж твоих апартаментов в башне, ты не можешь подниматься выше. Только спускаться. Богдан Калиш живёт на семьдесят пятом этаже. Он иногда спускается к Ди, а иногда ей приходит приглашение от него и временный пропуск. Ди несколько раз поднималась к нему. Потом ещё рассказывала мне, что там постоянно транслируют: «Город спит спокойно, пока СГБ бодрствует». «Чистый разум — безопасный город». Семьдесят пятый этаж полностью принадлежит СГБ. Там своя среда.

С Ди мы сдружились. Не из-за её связей. Я, конечно, прагматичная, но только не с ней. Просто нам спокойнее вместе. Когда она рядом, я почти забываю, что между нами столько историй. Иногда мне кажется, что мы всё ещё лучшие подружки в северном лагере ИСА и впереди нас ждут только тренировки в секции бегунов и посиделки у костра за картами. Но это не так. К сожалению

Сейчас я ещё вспомнила другого человека. Командира секции файтеров, куда Ди всё время стремилась в лагере. Рэд. Его в СОФ тоже не взяли. У него, оказывается, механический клапан в сердце. Кто бы мог подумать — здоровяк, который таскал брёвна в лагере, оказался с железкой внутри! Дела, конечно Но он не особо расстроился. После поездки на дирижабле его вообще будто подменили. И если Вик стал ещё более злобным и отстранённым после всех событий, то с Рэдом всё было иначе. Раньше молчал, как рыба. Теперь постоянно шутит. Язвит, улыбается. Я не знаю, что с ним случилось. Но его личность будто перекроили. Из немногословного хмурого командира получился эксцентричный, харизматичный мужчина. Эна, дурочка, всё бежит за ним как привязанная. Знаю, она бегала за Рэдом ещё когда он был с Ди, а она рядом слюни пускала. Но добилась-таки — теперь ходит с довольной миной, думает, что он наконец-то её. Глупо. Очень глупо. Мне даже жаль её.

Пыталась посплетничать об этом с Ди. Она не хочет говорить о нём. Но я вижу — она переживает за Рэда.

Допиваю чай. За окном всё тот же дождь. Туман стал плотнее — зданий напротив уже почти не видно. Закрываю блокнот. Кладу ручку в карман платья. Надеваю наушники — в них ничего не играет, просто заглушаю внешний шум.

Тренировочный зал на двадцатом этаже. Место огромное, зеркальные стены отражают друг друга, и когда смотришь в них, кажется, что там бесконечные коридоры из таких же потных, сосредоточенных людей. Здесь с десятков человек: кто-то вяло тянет резину, кто-то бьёт

грушу с таким лицом, будто та задолжала ему деньги, кто-то замер у тренажёра, глядя в одну точку. Я стою у входа, даже не переоделась ещё, просто скольжу взглядом по лицам, привыкая к обстановке.

Вик проходит мимо. Уже отзанимался, и майка на нём мокрая насквозь, прилипла к спине так, что я вижу лопатки. Волосы — тёмно-рыжие, странный оттенок, не рыжий и не каштановый — мокрые, падают на лоб тяжёлыми прядями, и он откидывает их назад одним резким, раздражённым движением. На меня не смотрит. Да и вообще ни на кого. Идёт как по пустому коридору, хотя вокруг него люди.

Я, кстати, теперь понимаю, почему Ди от него без ума. Он и правда хорош собой. Многие девушки в зале провожают его взглядами, я замечаю. Одна, блондинка с тренажёра у окна, даже улыбнулась ему — открыто, призывно. Он прошёл мимо, как сквозь стену. Даже не замедлил шаг.

Дверь за ним хлопает тяжело, с басовитым эхом.

Я достаю телефон из кармана, нахожу Ди в контактах. Она сейчас гостит у мамы. Её мама живёт в элитном районе — в самом городе, не в башне. Богдан Калиш лично распорядился. Когда деревню семьи Ди затопило (или что там с ней случилось на самом деле, нам до сих пор толком не рассказали), её маму эвакуировали, устроили как положено: квартира с видом на парк, прислуга два раза в неделю, никакой тебе казармы или этажа с соседями. Ди гостит у неё уже два дня. Договорились, что она напишет, когда будет возвращаться. Пока не написала.

Пальцы выводят на экране: «Как ты?» Замираю, смотрю на эти два слова. Слишком коротко. Слишком — не знаю — по-детски, что ли. Стираю.

Набираю снова: «Завтра тренировка в 8. Будешь?» Хотя какая тренировка, завтра воскресенье, расписания нет. Наверное, я просто хочу, чтобы она поскорее вернулась.

Отправляю.

Убираю телефон глубоко в карман, чтобы не доставать каждые пять минут. Иду переодеваться — раздевалки в конце зала, за зеркальной стеной. Надо размяться, пока тело не забыло, как это делается. А то неделя без нормального движения, и вот уже чувствую, как затекает спина от этих бесконечных лекций.

ДИ

Ночь не хотела отпускать этот город. Стекланные громады Ведасграда утопали в лиловом мареве искусственного освещения, переливаясь сотнями оттенков — от холодного синего до приторно-розового, будто кто-то бесконечно настраивал частоту, но никак не мог найти нужную. На тридцать седьмом этаже, где располагалась квартира мамы, звуки приглушались, превращаясь в ровный монотонный гул — дыхание металлического легкого сорокамиллионного города.

Я стояла у панорамного стекла, прижавшись лбом к прохладной поверхности. Моё дыхание оставляло на стекле крошечные облачка, которые тут же исчезали. За моей спиной, в глу-

бине квартиры, в своей комнате спала мама. Раз в неделю я её видела. Раз в неделю мне разрешали вернуться в мир, который у меня был ещё до технополиса, до острова. В этом мире была любящая мама, которая всегда поддержит и успокоит.

Но сегодня я чувствовала себя беспокойно. На душе была тяжесть, спать я не смогла, и пришлось заняться тем, что мне удавалось всё хуже в последнее время — вспоминать прошлое. Обычно, когда я это делаю, я понимаю, что многое уже подзабылось, а местами тоска сжимает грудь так сильно, что становится трудно дышать. Сегодня тоска пришла не из-за мамы и не по отцу — его профиль я вижу теперь лишь на экранах новостных сводок, где показывают, как восстанавливают технополис Край по кусочкам после пожара и бунта машин. Не по Зете, которую я покинула так давно, что она уже кажется не воспоминанием, а чужим сном, который кто-то рассказал мне однажды.

Сегодня я скучала по острову.

Эта мысль пришла совсем неожиданно, и я даже замерла, перестав дышать, и только когда лёгкие начали противно саднить от нехватки кислорода, выдохнула — медленно, с тяжестью, будто выпускала из себя что-то чужеродное, не имеющее права находиться в моей груди. Но оно не ушло. Оно осталось там, свернувшись где-то под рёбрами, и я поняла, что это чувство никуда не денется, сколько бы я ни прижималась лбом к холодному стеклу.

Где-то там, за тысячи километров от этих тёмных улиц, искусственных парков и голографических вывесок, за штормовым океаном и скалистыми перевалами, за бесконечными джунглями, полями и болотами, был остров. И он, оказывается, успел врасти в меня, как корни дикого винограда в каменную стену, впитался в поры, смешался с кровью, осел на дне лёгких, и теперь каждый выдох выходил с едва уловимым привкусом хвойных лесов и костра.

Я провела ладонью по стеклу. По ту сторону отражалось моё лицо — русые волосы уже отросли, глаза — большие, с настороженным прищуром, который не исчезал даже здесь, в безопасности, потому что научиться не ждать удара со спины оказалось сложнее, чем научиться его отражать.

Мне стало страшно — не от того, что впереди, а от того, что позади. Остров должен был остаться там, в прошлом, среди обломков технополиса и криков, которые я никогда не смогу забыть. Но он не остался. Он перебрался на материк вместе со мной, и теперь в каждом дуновении ветра из приоткрытого окна я улавливала влажный душный воздух тропического леса перед рассветом, а в каждой паузе между звуками в ушах появлялся тот самый стрекот цикад, от которого я сходила с ума первые месяцы в лагере. Теперь я ловила его отсутствие, как наркоман, который забыл, где спрятал последнюю дозу.

Где этот стрекот по ночам? Где птицы, чьи истошные крики пронзали ночь, предупреждая об опасности или просто приветствуя новый день? Где утренняя свежесть, холодок по коже, перенасыщение воздуха соцветиями в тропиках, шум листвы на ветру и журчание реки? Здесь не было ничего из этого. Этот мир был абсолютно другим, и именно поэтому жизнь на острове казалась мне какой-то прошлой жизнью — слишком уж большой контраст вышел между прошлым и настоящим, чтобы не потерять рассудок. Зато здесь, в маминой квартире, у меня хотя бы появлялась эта возможность — окунуться в прошлое.

— Ди? Не спишь?

Голос мамы за спиной был мягким, чуть сонным. Я обернулась. Она стояла в дверях комнаты в длинном халате, волосы распущены, смотрела с беспокойством.

— Не могу уснуть, — ответила я.

— Я тоже. Пойдём чаю выпьем.

На кухне горел тусклый жёлтоватый свет. Мама включила чайник, достала чашки. Я забралась на стул с ногами, обхватила себя руками за колени. Мама заметила мое задумчивое состояние, но ничего не сказала, просто поставила передо мной кружку.

— Ты как будто не здесь, — вздохнула она, садясь напротив.

— Я думаю.

— О чём?

Чайник закипел, щёлкнул, отключился. Мама заварила чай — листовой, настоящий, не из пакетиков, она всегда его доставала, хотя в магазине такого не было. Наверное, опять дедушка постарался.

— Я думаю об острове, мам.

— Понятно.

Она не давила с расспросами, просто сидела напротив, грела ладони о кружку. На её пальцах — въевшаяся в кожу краска, синяя, жёлтая, чуть зелёная. Она стала художницей здесь, но об этом никто не знает. Дедушка Богдан просил не рассказывать — нецифровое искусство в городе запрещено. Мама рисует по ночам, превратив просторную ванную в мастерскую. Я иногда просыпаюсь ночью и знаю, что она там, творит за закрытой дверью, пока весь город спит.

— Ты никогда не рассказывала, — начала я, делая осторожный глоток, — как вы с папой оказались в Зете.

Мама посмотрела на меня поверх кружки, долго, пристально, потом вздохнула. Я заметила, как напряглись её плечи.

— Я вообще-то первая хотела задать тему. Хотела расспросить тебя о другом, Дарян. О тебе. О твоём парне.

— А что о нём?

— Ну Ты совсем не рассказываешь мне о нём. Как вы познакомились, как сблизились. Я бы хотела знать все. Знаю, что это невозможно. Но я просто хочу наверстать все то время, что у нас отняли. Понимаешь?

Я отвела взгляд к окну, за которым всё так же переливались огни Ведасграда. Вдалеке, где-то на уровне горизонта, мигала красная точка — может, дрон, может, сигнальная вышка.

— У нас с Виком очень сложная история, — говорю я, отводя взгляд к окну.

Мама молчит, ждёт продолжения. Но я молчу.

— В каком смысле сложная?

— В том смысле, что — я замолкаю, потому что не знаю, с чего начать. Если начать с самого начала, придётся рассказывать про лагерь, про тренировочное поле, про его издевательства и тот ужас, что я тщетно пытаюсь забыть и не сопоставлять с ним. Этого я не хочу вспоминать. Не сейчас. Не с мамой.

— Мы не сразу стали тем, чем стали, — говорю я вместо этого. — Сначала Вик меня ненавидел. Или делал вид, что ненавидит. Я до сих пор не уверена.

— А ты?

— Я боялась его. Первое время. Он был жестоким, мам. Не со мной одной — со всеми. У него была репутация.

— Но ты не поэтому его полюбила, — говорит она. Не спрашивает — утверждает.

— Нет. Я полюбила его совсем за другое. Иногда мне кажется, что тот Вик и мой — это два разных человека.

— Ты его настолько изменила?

— Мне кажется, он всегда был таким. Просто прятал себя ото всех, чтобы выжить.

Мама чуть наклоняет голову с улыбкой. Ей правда интересно. Меня это радует и я решаю продолжить погружение в прошлое.

— Однажды мы шли через лес, — вспоминаю я. — Я тогда ещё не умела многого не умела. Вик тащил меня за собой, ругался, говорил, что я обуза. Но не отпускал. А потом мы наткнулись на бездумцев. Их было много. И он Вик заслонил меня собой. У него не было оружия, мам. Только перочинный ножик. Он мог погибнуть. Знал это. Но не отступил.

— Что случилось потом? Вы не пострадали?

— Нет. Нам повезло. Мы убежали. Но я запомнила, как он стоял между мной и ними. Встал и даже не моргнул.

Я делаю паузу, потому что в горле встаёт ком.

— Знаешь, мам, он не умеет говорить красиво. Не умеет обещать то, чего не может дать. Но дает всегда больше, чем я могу себе представить. И он всегда рядом. Даже когда я злюсь и

говорю, чтобы он ушёл. Даже когда я делаю вид, что мне не нужна его помощь. Он остаётся. За это я и полюбила его.

— Это редкость, — тихо говорит мама.

Я киваю, потому что не знаю, что ответить. Она права.

— С ним я не боюсь, — говорю я, и это звучит глупо, слишком просто для всего, что мы пережили. — Даже когда страшно. И если бы не Вик Я бы с тобой сейчас здесь не разговаривала.

Мама смотрит на меня долго, так долго, что я начинаю чувствовать себя ребёнком, который только что признался в чём-то очень важном.

— Я хотела бы с ним познакомиться. Очень.

— Хорошо. Я скажу ему.

Мама улыбается — чуть заметно, одними уголками губ.

— Тогда зови его на ужин. Когда будешь готова.

— Спасибо, мам.

Мама молчит. Потом протягивает руку через стол и накрывает мою ладонь своей. В её глазах появляется печальный оттенок и я понимаю, что сейчас её очередь делиться прошлым.

— Знаешь, Зета была не просто деревней, — тихо начала она. — Там было кое-что. Я должна тебе рассказать. Про место, про людей, про

Телефон завибрировал, и я вздрогнула — не от испуга, а от того, что звук разорвал тишину слишком резко. На экране высветилось сообщение от Мии.

«Завтра тренировка в 8. Будешь?»

Я быстро напечатала: *«Да»*.

Через секунду пришел ответ: *«Супер! Кстати, тут твой без тебя места себе не находит. Ходит как злой пёс. Все разбегаются.»*

Я улыбнулась, сама не замечая этого, и спрятала телефон в карман.

— Кто там? — любопытствовала мама.

— Мия. Моя подруга.

Мама допила чай, поднялась из-за стола, поправила халат.

— Я хотела ещё побеседовать с тобой но уже слишком поздно. Давай завтра? Или когда в следующий раз приедешь.

— Давай.

Я встала и обняла её. Мама пахла масляными красками и чем-то сладким — может, ванилью, может, тем особенным запахом, который я помнила ещё с детства и который не могла описать словами. Я долго прижимала её к себе, и чувствовала, как её ладонь гладит меня по спине.

— Я не верю, что мы наконец-то вместе, — прошептала я ей в плечо. — Это точно не сон, мам?

— Нет. Мы точно не спим. Наконец-то. Мы правда вместе, — ответила она, перебирая мои пряди. — И никогда больше не расстанемся.

Мы разошлись по спальням. Я легла, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок — белый, безупречный, без трещин, без пятен, без истории. Совсем не такой, как тот, что я видела, лёжа на спине в хижине файтеров, когда над головой проносились тучи, а дождь барабанил по тонкой крыше, и где-то рядом кто-то тяжело дышал во сне, и это было так давно. И так прекрасно.

Я закрыла глаза. И перед ними не было ни тьмы, ни покоя, ни обещанного отдыха — только стрекот цикад в ушах, который я когда-то ненавидела, а теперь боялась забыть, и далёкий крик ночной птицы, слышавшей то, чего никогда не услышат люди в стеклянных башнях.

Я провалилась в сон, но он был неглубоким, и легко разбился о реальность, когда в тишине квартиры раздался знакомый писк. Кофемашина. Мама встала — значит, вдохновение нахлынуло, значит, она засядет в ванной до утра, а потом будет спать полдня, отсыпаясь после ночи, проведённой с кистями и красками.

Я посмотрела на часы — половина третьего. Глубокая ночь. Город за окном замер, только редкие огни мигали где-то внизу, как сигналы потерянного корабля.

Стало душно. Я подошла к окну, упёрлась ладонями в подоконник, посмотрела вниз — на бесконечный муравейник, который назывался Ведасградом, на переливающиеся вывески, на тёмные провалы улиц, где сейчас, возможно, бродили те, кого должна отлавливать служба очищения фонда.

Я стояла так несколько минут, потом развернулась и босиком, в лёгкой майке, прошла в ванную. Брызгаю в лицо холодной водой — надеюсь, смоет эту тяжесть, что свернулась узлом в животе. Не смывает. Вода стекает по подбородку, груди, и я смотрю на капли, как заморожённая, потому что смотреть на себя в зеркало почему-то не хочется.

Возвращаюсь в комнату, беру телефон. Набираю сообщение Вику: «Ты как?»

Смотрю на экран. Сообщение доставлено, но не прочитано. Наверное, спит. Откладываю телефон, закрываю глаза. Через несколько минут телефон вибрирует — входящее.

Приподнимаюсь на локтях. Он прислал фото.

С улыбкой и замиранием сердца, открываю его.

Зал полутемный, пустой, только свет от фонарей пробивается сквозь высокие окна. Вик стоит перед зеркалом, в чёрной майке, кожа на руках поблескивает от пота. Я приближаю картинку, рассматриваю — пресс угадывается под тканью, мышцы рук напряжены, как будто он только что закончил подход. Сглатываю. Он знает, что я смотрю и что чувствую сейчас. Вот же.

«Не спится?» — пишу я.

«Без тебя нет»

«Со мной ты как будто спишь»

«Даже так? А в сообщениях ты более дерзкая. Неужели в лицо так трудно мне отвечать?»

«Если хочешь, чтобы я так тебе отвечала, придется тебе мешок на голову одевать»

«Значит мое лицо всему виной? Смущаю тебя?»

«Не смущаешь. Дразнишь.»

«Я запомню.»

Я улыбаюсь — глупо, по-детски, лёжа в темноте и глядя в светящийся экран. Сообщение от Вика, очередное. Не читаю, сразу открываю.

Фото загружается медленно — связь в башне всегда с задержкой, слишком много помех от всего этого стекла и бетона. Картинка проступает кусками: сначала пятно серого, потом край зеркала, потом мокрая плитка на стене.

И когда изображение проявляется целиком, я понимаю, что он в душевой.

Он стоит перед зеркалом вполоборота, и на нём только полотенце — низко на бёдрах, так низко, что я вижу линию паха, выступающие кости таза, ту самую V-образную впадину, которая сводит меня с ума по утрам, когда он потягивается в постели. Полотенце держится на честном слове и узле, который вот-вот развяжется. Складка ткани падает как раз туда, куда не нужно, если хочешь сохранить приличия. Но он не хочет. Он хочет, чтобы я смотрела.

Волосы мокрые, тёмные у корней, падают на его лоб тяжёлыми прядями. Капли стекают по шее, собираются в ямочке над ключицей, потом срываются вниз, по груди, по прессу — я вижу каждую, потому что на фото высокое разрешение, и он знает, что я буду разглядывать.

На зеркале разводы — капли воды, которые не стёрли. Лампы над раковиной дают тусклый свет, но в душевой темно, только этот свет выхватывает его силуэт из полумрака. Он смотрит в объектив — не в зеркало, а в камеру, на меня — и в его глазах ухмылка.

Фото занимает весь экран. Я смотрю на его руки — одна держит телефон, другая висит вдоль тела, пальцы расслаблены. На бёдрах — полотенце. Я думаю: если он сделает вдох, оно упадёт.

В голове пустота. Ни одной мысли. Как долго я уже пялюсь в экран?

Я не моргаю. Глаза щиплет. Телефон становится горячим в руке. Или это мои пальцы нагрели стекло. Не знаю. Отбрасываю его на кровать. Жар разливается по щекам, по шее, ниже, туда.

— Дурак, — шепчу я в тишину.

И улыбаюсь.

«Ты издеваешься?» — быстро печатаю я, когда подползаю к телефону.

«Ни капли.»

«И что мне делать с твоим фото?»

«Уже закончила краснеть? Пришли себя.»

«Нет.»

От него приходит плачущий смайлик. Я смеюсь — тихо, чтобы не мешать маме.

Лежу на спине, глядя в серый от уличного света потолок, и чувствую, как внутри нарастает это дурацкое, детское волнение — такое, будто мы только начинаем общаться. Но он уже видел меня голой. Он уже знает каждую родинку, каждый шрам, каждую точку на моём теле, от которой я начинаю дышать чаще. И всё равно я нервничаю. Почему?

Кусаю губу сильнее. Смотрю на телефон, на его сообщение, на этот плачущий смайлик, который должен означать досаду, но на самом деле означает: «Давай, не тяни». И я знаю, что он сейчас тоже смотрит в экран, лежит в своих апартаментах и ждёт. И от этого знания внутри всё сжимается, а потом отпускает с таким рывком, что я встаю с кровати, даже не успев подумать.

Простыня сбивается у ног, я путаюсь в ней на секунду, вырываюсь и иду в ванную, потому что в спальне нет зеркала, а мне нужно увидеть себя — не для того, чтобы понравиться себе, а чтобы понять, какой меня увидит он.

Пол в ванной холодный, я зажигаю свет — лампы над зеркалом вспыхивают белым, выхватывают из темноты моё лицо: растрёпанные волосы, прикушенные губы, след от подушки на щеке, который всё ещё розовеет. Я смотрю на себя и думаю, что выгляжу усталой, что под глазами залегли тени, что волосы торчат в разные стороны. Сонная неряха какая-то.

Расчёсываю пряди пальцами. Провожу от корней до концов, распутываю колтуны, запроваляю за уши, потом вытаскиваю обратно — так лучше, когда они падают на лицо и плечи, скрывают ключицы.

Поправляю майку. Она старая, серая, с растянутым воротом, который сползает с плеча, стоит мне чуть шевельнуться.

Майка мне велика. Она доходит почти до середины бедра и сидит мешком. Я задираю край пальцами, подворачиваю внутрь, чтобы она сидела короче, открывала живот.

Встаю на носочки — так ноги кажутся длиннее, а бёдра — острее. Втягиваю живот, задерживаю дыхание, смотрю на себя в зеркало: на полоску кожи между краем майки и линией трусиков, на тени, которые падают от рёбер, на впадину внизу живота, которую я обычно прячу, потому что считаю её некрасивой, но сейчас, в этом свете, она выглядит почти как на картинках.

Поднимаю телефон. Навожу на себя, держу на вытянутой руке, чуть сверху — так, чтобы в кадр попали ключицы, плечо и живот. Не улыбаюсь. Смотрю в объектив так, как смотрела бы на него — пристально, серьёзно.

Нажимаю кнопку. Фото щёлкает, и я замираю — боюсь смотреть, что получилось. Потом всё-таки смотрю.

Волосы падают на лицо, один глаз почти закрыт прядью. Губы сжаты. Майка сползла с плеча, открывая родинку, которую он когда-то поцеловал и сказал, что она похожа на маленького жука.

Я не знаю, красиво это или нет. Но это — я. Такая, какая есть сейчас, в четыре утра, после бессонной ночи, с растрёпанными волосами и прикушенными губами.

Отправляю.

Телефон падает на кровать, я сажусь рядом. Одергиваю себя не кусать губы. Начинаю кусать щеки.

Благо ответ от него приходит мгновенно.

«Во сколько завтра приезжаешь?»

Я подавляю ухмылку.

«Хотела уснуть к завтраку. Потом тренировка. А что?»

«Завтрак пропустим. И тренировку тоже.»

Пальцы застывают над экраном. В груди становится тепло от этих слов, от того, как он их написал, коротко и без объяснений.

«Допустим. И чем мы займемся?»

«Увидишь.»

Я улыбаюсь, откидываясь на спину.

Через несколько секунд экран загорается снова. Сообщение он него:

«Спасибо, Ди. Теперь я точно не усну».

«Прости», — печатаю я.

«Жестокая женщина».

«Ты первый начал». Улыбаюсь. И добавляю: *«Скучаю по тебе.»*

Смотрю на экран. Сообщение доставлено. Но не прочитано. Жду минуту, две. Телефон молчит. Глаза уже слипаются.

Закрываю глаза. Думаю о нём. О том, как он смотрит на моё фото сейчас — в своей комнате, в темноте, с телефоном в руке. Улыбается, наверное. Или нет. Может, просто смотрит — пристально, серьёзно, как тогда, на острове, когда думал, что я сплю.

Просыпаюсь от того, что телефон жжёт ладонь. Глубокая ночь — за окном всё так же чернота и редкие огни. Экран светится в темноте: сообщение, которое я отправила, до сих пор не прочитано. Прошёл час. Или больше. Я смотрю на время — половина пятого.

Набираю его номер. Длинные гудки, один, второй, третий. Потом — писк.

— Да? Говорите.

Голос женский, бодрый — режет слух.

— Что-то срочное? — спрашивает девушка на том конце.

Я молчу. Пытаюсь выдохнуть, но воздух застревает в горле. Кто эта девушка? И почему она взяла телефон Вика???

ОТ АВТОРА: Друзья, у меня есть Telegram-канал!

Там публикую всё, чего нет в книгах: визуалы героев и сцен, трейлер и саундтреки к серии.

Присоединяйтесь, буду рада видеть вас в своём тёплом уголке!

https://t.me/lisaveta_writer

Ночной звонок

— Алло? Вы будете говорить? — голос бодрый, с лёгким раздражением, будто я отвлекла её от важного дела.

Я молчу несколько секунд. Слова цепляются друг за друга, пока я пытаюсь их вытолкнуть.

— Кто это? — холодно спрашиваю я. — Почему Вы взяли телефон Вика?

Пауза. Она не отвечает. Потом — короткие гудки. Незнакомка бросила трубку.

Я смотрю на экран. Связь оборвана. Нажимаю вызов снова — длинные гудки, один, второй, третий. Тишина. Автоответчик: «Абонент недоступен».

Я встаю. Натягиваю джинсы, футболку, кидаю в рюкзак телефон, зарядку, браслет. Прохожу на кухню — мама стоит у раковины, полотенце в руках, оттирает краску с пальцев. Увидев меня, она поднимает брови.

— Уже встала? Дарян, ты куда? — спрашивает, и в её голосе — не удивление, а скорее усталое принятие того, что её дочь никогда не сидит на месте.

— Мам, мне надо в башню.

— Сейчас? Ночь же ещё.

— Там дела срочные.

Она не спрашивает какие. Просто тоскливо смотрит на меня.

— Позвони, когда доедешь, ладно?

— Хорошо, мам.

— Дарян — она делает паузу, поправляет ворот халата. — Я тебя люблю. Береги себя.

— И я тебя люблю.

Обнимаю её — быстро, почти на ходу. И вылетаю из квартиры.

Выхожу из подъезда. Ночь ещё не закончилась, но уже сдаёт позиции — небо на востоке сереет, будто кто-то развёл грязную воду по выцветшей простыне. В Ведасграде рассвета нет. Здесь всегда мрачно, и солнце никогда не пробивает плотный серый туман, который висит над городом. Где-то там, наверху, светило точно есть — я видела его, когда наш дирижабль приземлялся в аэропорт, но здесь, на земле, его не существует.

Я стою на ступеньках, вдыхаю воздух с техногенным привкусом. Где-то за туманом угадываются силуэты небоскребов — размытые, призрачные. Вечные сумерки. Ни утра, ни дня, ни ночи — только это мрачное ничего, которое давит на глаза, на лёгкие, на мысли.

Телефон в кармане молчит. Я проверяю — нет сообщений, нет пропущенных. Тишина.

Вызываю такси. Машина подъезжает через минуту — серая, как всё вокруг, с затемнёнными стёклами.

Сажусь на заднее сиденье и называю адрес — граница первого круга, станция метро. Смотрю в окно. Город плывёт мимо — бетон, стекло, рекламные щиты с идеальными лицами. На одном из них я узнаю себя. Взгляд отретуширован, кожа сияет, губы сложены в улыбку, которой у меня никогда не было при виде камер.

Я отворачиваюсь.

Едем по пустым улицам. Светофоры мигают жёлтым. Город ещё спит. На перекрёстке я вижу плакат — моё лицо, лицо Эны, лицо Рэда. «КАДОТА. СМОТРИ НА ВСЕХ КАНАЛАХ.» Внизу мелкий шрифт: «Телепроект одобрен Советом культуры Ведасграда».

Глаза слипаются на веренице одинаковых пятиэтажных домов — серых, одинаковых, с редкими жёлтыми окнами.

Порой мне кажется, что это совсем неудивительно, что жители этого города стали сходить с ума. Поживи в такой обстановке — без солнца, без ясного неба, без свежего ветра. Дыши этим бетоном, смотри на эти рекламные стены, просыпайся утром, думая, что ещё ночь, потому что за окном всё то же серое марево. Неделями, месяцами, годами. Ни одного рассвета. Только бесконечные сумерки, которые высасывают из тебя ощущение времени, пока ты не перестаёшь понимать, сколько прошло — день, два или уже целая жизнь

Я опять вспоминаю остров. И мне хочется плакать. Там жизнь была жестокой. Нечеловеческие условия — это мягко сказано. Мы выживали, а не жили. Но только там я чувствовала себя человеком. Не расходным материалом, не винтиком в чужой машине, не картинкой на билборде. Живым человеком. Который может бояться, ненавидеть, любить, ошибаться, плакать по ночам в подушку и утром всё равно вставать на тренировку, а вечером сидеть с друзьями у костра.

Наверное, поэтому у меня внутри всё время такая тоска. Не по дому. По тому, что было настоящим

Такси останавливается у контрольно-пропускного пункта. Водитель тычет пальцем в считыватель. Машина пикает, шлагбаум поднимается. Дальше начинается первый круг — район для тех, у кого есть доступ к башне. Я расплачиваюсь с таксистом, выхожу.

Чёрный монолит метро высится в конце широкой аллеи. Здание без окон, из полированного камня, в котором отражаются огни фонарей.

Спускаюсь по широким ступеням — они подсвечены снизу холодным синим, и кажется, что я шагаю в пустоту. Внизу — просторный вестибюль. Охрана. Люди в черных пальто смотрят на меня, но не останавливаются. Браслет на моем запястье горит белым.

Прохожу через турникеты. Эскалатор уходит глубоко под землю. Еду вниз, чувствуя, как меняется давление, как воздух становится плотнее и закладывает уши.

На станции пусто. Высокие своды, светильники, имитирующие звёздное небо. Поезд подходит бесшумно, скользит из тоннеля как призрак. Внутри мягкие диваны, приглушённый свет, никого нет — вагон пустой. Сажусь, разминая шею.

Тоннель мелькает за стеклом — чёрный, с редкими вспышками синего. Поезд останавливается несколько раз, объявляя станции. Голос из динамика наконец объявляет мою: «*Станция «Центральная. Башня».*

Выхожу. Эскалатор поднимает меня наверх, к стеклянным дверям.

Холл башни — темный мрамор, зеркала, охрана. Прикладываю браслет к считывателю. Белый свет. Короткий писк. Прохожу к лифту.

Тридцатый этаж. Кнопка светится под пальцем — мягким голубоватым светом. Лифт едет вверх, и уши снова закладывает, будто мы поднимаемся не на тридцать этажей, а в стратосферу.

Двери открываются, и я выхожу в коридор.

Здесь нет обычного освещения — только световые панели, встроенные в стены на уровне пола. Они дают ровный, приглушённый свет, который стелется по светлому ковровину.

Стены здесь не простые. Серая ткань, натянутая на каркас, скрывает за собой сотни метров кабелей и оптоволокон. Иногда на ней проступают голографические надписи — новости этажа, указатели, предупреждения.

Тридцатый этаж заселили по особым критериям. Только тех, кто прошёл фильтрацию. Бывшие участники телеэпопеи «Кадота», несколько семей высших чиновников, многие бывшие резиденты технополиса Край и пара учёных с допуском выше, чем у остальных. Двери здесь массивные, из матового стекла с металлическими вставками, без ручек — открываются по коду или по отпечатку пальца. У каждой двери — маленькая камера в потолке, которая следит за каждым, кто проходит мимо.

Я иду по коридору. Слева — двери с табличками: 1901, 1902. Справа — 1904, 1905. Вик живёт в 1903. Я знаю этот коридор уже наизусть и код от его апартаментов тоже.

Ввожу цифры — 1, 4, 5, 0. Дверь пикает коротко и разъезжается в стороны, прячась в стены. Вхожу.

В прихожей темно. Свет не включён — он загорается автоматически, когда система распознаёт движение. Лампы вспыхивают с задержкой, и я вижу пустую вешалку, полку без его кроссовок и зеркало.

Прохожу в гостиную. Диван — угловой, серый, с разбросанными подушками — стоит у панорамного окна, за которым такая же муть, как и везде в башне. Телевизор — огромная панель во всю стену — погашен, но я знаю, что стоит провести пальцем по сенсору, и он вклю-

чится, покажет новости, рекламу и другой хлам. Стеллаж с книгами — настоящими, не цифровыми — занимает всю противоположную стену. Вик их не читает. Книги здесь были с самого начала, от прежних жильцов. Он их не выбросил, но и не трогает. Просто они стоят, собирают пыль, и мне кажется, что в этом есть что-то правильное — вещи, у которых уже нет хозяина, но они всё равно стоят на своем месте.

Кухня. Холодильник тихо гудит, на столешнице — несколько тарелок в сушилке. На магнитной панели — расписание тренировок: *«пт — спортзал, ср — бокс, пт — бассейн»*.

Перемещаюсь в спальню.

Кровать не заправлена — простыня сбита, одеяло сползло на пол. Он всегда так спит — ворочается, сбрасывает, зарывается лицом в подушку. На стуле у окна — майка и спортивные штаны. Я трогаю ткань — влажная. Значит, он был здесь не так давно. Часа два-три назад. Может, меньше.

Ванная открыта. Свет не горит. Я заглядываю — полотенца разбросаны, на раковине — капли воды. Пахнет гелем для бритья. Я закрываю дверь.

Его нет. Но у меня появилась догадка.

Выхожу в коридор. Беру лифт на этаж ниже.

Спа-зона занимает целое крыло на двадцать девятом. Двери открываются бесшумно, впуская меня в полумрак.

Здесь всё устроено иначе — свет не льётся с потолка, а сочится из пола, из стен, из мебели. Полумрак мягкий, янтарный, похожий на закат. Воздух влажный, тёплый, пахнет эвкалиптом и морской солью — запахи, которые должны расслаблять посетителей.

Мозаичные стены переливаются в этом свете — мелкая плитка синего, зелёного, золотого. Я иду по длинному коридору. Справа — кабинки для массажа, двери закрыты, за ними тишина. Слева — сауны, тоже пустые, судя по тому, что лампы над дверями не горят. В конце коридора — главный зал с бассейном. Мои шаги тонут в резиновом покрытии пола. Я иду медленно, потому, что не знаю, что найду впереди. Или кого.

Я почти дохожу до поворота, когда слышу звук. Тихий, прерывистый, как дыхание человека, который пытается не издавать лишнего шума, но не может сдержаться. Сначала я не понимаю, что это. В голове пустота — только вопрос: «Кто здесь?» — а потом до меня доходит.

Стоны. Мужской и женский. Переплетаются, накладываются друг на друга, и я замираю, потому что ноги вдруг становятся ватными, а тело бросает в холод.

Мне надо увидеть, что там. Мне жизненно необходимо это увидеть. Я делаю шаг вперёд, потом ещё один, и ещё, пока не выхожу из-за угла в главный зал с бассейном.

Здесь почти темно. Только вода подсвечена снизу — бледно-голубым, холодным светом, который отражается на потолке мелкими бликами. Этот свет не разгоняет тьму, а только подчёркивает её, превращает пространство в нечто тайное, подводное.

У дальней стены, на широком шезлонге, две фигуры. Я вижу их не сразу — сначала только силуэты, смутные тени в полумраке. А потом глаза привыкают, и картинка становится более чёткой, как фотография, которую рассматриваешь издалека.

Девушка сидит на парне верхом. Светлые волосы рассыпаются по её плечам, по голой спине, блестят в отражённом свете от воды. Её голова откинута назад, шея вытянута — и в этом движении, в этой открытости, во всём её теле есть что-то такое, отчего меня передёргивает. Не потому, что это красиво. А потому, что это слишком личное.

— Рэд — выдыхает она.

Я ошарашенно всматриваюсь в полумрак. Блики от воды скользят по профилю мужчины — на секунду, не дольше, но этого достаточно, чтобы я разглядела его.

Да, это действительно он.

Его руки на её талии. Пальцы сжимают женские бёдра, направляют движения. Она двигается в такт, и каждое движение сопровождается выдохом — не громким, но я слышу его так отчётливо, будто стою в двух шагах от них.

Я вижу, как она запрокидывает голову, как он наклоняется, чтобы поцеловать её шею. Его губы скользят по коже, останавливаются на ключице, потом опускаются ниже.

Меня накрывает волной — не ревности, нет. Той ревности, что жгла меня когда-то на острове, больше нет. Осталась только пустота, которая заполняется чем-то тяжёлым, горьким, похожим на кофейный осадок на дне чашки, когда пить уже нечего. Я чувствую стыд. А потом вспоминаю

Он же должен быть с Эной. Все знают. Они официальная пара — их показывают по телевизору, их фотографии украшают обложки журналов, их называют новой «силовой парой» проекта. Я смотрела, как они улыбаются друг другу в интервью, как она кладёт руку ему на плечо, как он нежно смотрит на неё. И была уверена, что Рэд нашел то, чего ему не хватало.

А он здесь. С другой девушкой.

Она тихо смеётся, наклоняется к нему и шепчет что-то на ухо. Он усмехается в ответ. Я вижу, как его плечи расслабляются, как он перехватывает её за талию и меняет их положение — теперь она под ним, раскинувшаяся на шезлонге, а он нависает сверху, загоразивая её своим телом.

Я вижу его спину. Напряжённую, с выступающими лопатками. Мышцы выступают под кожей, когда он наклоняется. Вижу его руки — одна держит её за бедро, пальцы вдавливаются в кожу. Другая скользит между её ног, и девушка вскрикивает — коротко, сдавленно, прикусывает губу, чтобы не закричать.

— Тише, — шепчет он. — Нас могут услышать.

Она кивает. Её пальцы запутываются в его волосах. Он целует её — медленно, глубоко, и от этого поцелуя мне становится дурно.

Я с трудом отворачиваюсь. Не потому, что хочу продолжать смотреть. Просто от ступора ноги приросли к полу. В груди — тяжесть. Меня тошнит. Не от того, что я увидела, а от того, что я вообще здесь оказалась и подумала, что там может быть

Нет. Не хочу даже думать об этом!

Иду к выходу. Сначала шагом, потом быстрее, почти бегу. Мраморный пол скользкий, ноги разъезжаются, я хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

Я вылетаю в коридор, и двери спа-зоны закрываются за моей спиной, отсекая этот мир с его влажным воздухом и чужими телами, которые не должны были стать частью моей памяти.

Останавливаюсь у стены. Прислоняюсь лбом к прохладной поверхности. Дышу.

В голове — одна мысль.

«Зачем я это увидела?»

Нажимаю кнопку двадцать второго этажа, потому что она попадает под пальцы, а мне безразлично, куда ехать. Лифт мягко трогается, и я чувствую, как закладывает уши — даже на спуске эта проклятая башня умудряется напоминать, что ты здесь не в своей среде. Мой тридцатый этаж для меня потолок, мой допуск не позволяет подняться выше, но вниз можно. На нижних этажах живут другие люди, работают службы, которые я ни разу в жизни не видела, и мне вдруг становится любопытно: а что там, за пределами моего нового мира?

Двери открываются, и я выхожу в коридор, которого никогда раньше не замечала. Здесь всё иначе. Свет — тусклый, желтоватый, какой бывает в подземных переходах. Пол покрыт полированным камнем, тёмным, с холодными кварцевыми прожилками, которые поблёскивают под ногами. Мои шаги звучат гулко.

По обе стороны тянутся двери. Матовое стекло, металлические таблички: *«Бизнес-центр. Уровень доступа — В», «Переговорная А-7», «Зал приёмов»*. За этими дверями, наверное, днём толкуются люди с планшетами и вечными совещаниями, а сейчас здесь пусто, только тишина и моё отражение в тёмных стёклах.

В конце коридора я замечаю узкий проход, почти незаметный, без табличек. Что-то влечёт меня туда — может, желание забраться в самую глубь этого здания, где никто не смотрит, не спрашивает, не ждёт от тебя улыбок и правильных слов.

Я сворачиваю, и сразу меняется всё: вместо мрамора и стекла — серые стены, голые, кое-где облупившиеся, с разводами от старой краски. На них висят пожарные извещатели в пластиковых коробках, схемы эвакуации под стеклом, пара огнетушителей. Пол здесь бетонный, некрашенный, и шаги по нему звучат глухо, тяжело, будто я иду не по этажу башни, а по подвалу какого-нибудь заброшенного здания.

Коридор петляет, сужается, расширяется. Я прохожу мимо кухонного блока: дверь открыта, и изнутри тянет запахом дезинфекции. Лампы под потолком мигают, как будто вот-вот перегорят, но всё ещё держатся, набираясь сил для нового рывка. Дальше — прачечная. За стеклянной дверью видны ряды огромных промышленных машин, в чьих круглых окошках крутится бельё.

Прохожу мимо таблички «Архив». Дверь туда приоткрыта на несколько сантиметров. В щель видно металлические стеллажи, заставленные коробками с маркировкой — даты, коды, грифы секретности. Я не останавливаюсь, прохожу мимо.

Комната отдыха для персонала. Из-за двери доносится храп — тяжёлый, надрывный, с присвистом. Кто-то спит там, отключившись после смены, или, может, наоборот, прячется от работы, забившись в угол.

Коридор выводит меня к окну. Оно большое, во всю стену, но такое грязное, что сквозь него почти ничего не разобрать. Я тру ладонью стекло, пытаюсь стереть жирный налёт, но ничего не выходит — он с другой стороны. Внизу — Веласград. Сотни огней, тысячи окон. Я смотрю на него и не чувствую ничего — ни страха, ни злости, ни привычного уже отвращения.

Достаю телефон, снова набираю номер Вика. Гудки. Автоответчик: «Абонент недоступен».

Убираю телефон, смотрю на стекло, на своё отражение. Вентиляция гудит где-то далеко, на границе слышимости, и я даже не знаю, сколько стою так — минуту, десять, целый час. Время здесь потеряло смысл.

Шаги за спиной я слышу только, когда они звучат слишком близко.

— Ди? Ты чего здесь? — голос Иржи звучит мягко и чуть удивлённо.

Я оборачиваюсь. Он стоит в нескольких шагах — в своём тёмном пальто, с планшетом в руке, и на лице у него то выражение сосредоточенного спокойствия, которое я так хорошо помню по нашим встречам в технополисе. Крестный не выглядит уставшим, хотя на часах уже почти утро, и я вдруг чувствую, как что-то внутри меня расслабляется при виде знакомого лица.

— Иржи, — выдыхаю я и, не думая, подхожу к нему, обнимаю.

Он замирает — не ожидал, наверное. Потом его рука ложится мне на спину, похлопывает, и этот жест — такой обычный, родственный, без всякой политики и скрытых смыслов — почти заставляет меня разреветься.

— Ты чего не спишь? — спрашивает он, когда я отстраняюсь. — Пятый час.

— Не могу уснуть. Решила прогуляться. А ты что здесь делаешь? На двадцать втором?

Иржи убирает руку, поправляет воротник пальто. Заботливо оглядывает меня поверх своих очков.

— Двадцать второй этаж — хозяйственный. Здесь расположены службы, которые отвечают за всю эту махину: кухня, прачечная, архив технической документации, комнаты отдыха для сменного персонала. Плюс офисы координаторов — тех, кто следит, чтобы башня не развалилась по швам. — Он кивает на планшет. — Я проверял ночные отчёты по системам вентиляции и фильтрации. Наша с тобой жизнь здесь зависит от того, чтобы эти ребята не заснули на посту.

— И как, не заснули?

— Пока нет, — он усмехается краешком рта. — Но один в комнате отдыха храпит так, что стены трясутся. Придётся делать выговор.

Я почти улыбаюсь в ответ, но улыбка быстро гаснет.

— Вик пропал, — делюсь я. — Телефон выключен, дома его нет.

Иржи кивает, будто уже знал, что я скажу это.

— Не переживай. Его и ещё нескольких ребят сегодня ночью забрали на инструктаж по работе с населением в срочном порядке. Сороковой этаж. Вернётся только завтра днём.

— Сороковой? — я смотрю на него, пытаюсь понять, не шутит ли он. — Нам же запретили подниматься выше нашего этажа.

— Да. Но есть исключения, — Иржи пожимает плечами. — Инструктаж как раз из таких. Требуется временный допуск на этаж, его дают всем участникам. Вик уехал несколько часов назад, я думал, ты знаешь.

— Он ничего не сказал. И телефон отключён.

— Разрядился, наверное. Или там, на сороковом, стоят глушилки, чтобы никто не отвлекся. — Он машет рукой, мягко улыбаясь. — Не переживай, с ним всё в порядке.

Я молчу. Внутри оседает тяжесть — не страх, нет, чего-то такого острого я уже почти не чувствую. Просто усталость. И досада. От того что он опять не предупредил. Или предупредил, но я пропустила сообщение. Или он забыл. Или у него свои причины, о которых он не хочет говорить?

Иржи смотрит на меня, и его лицо смягчается.

— Раз ты всё равно не спишь, — говорит он, убирая планшет во внутренний карман пальто, — я хочу тебя кое с кем познакомить.

— С кем? — спрашиваю я без особого интереса.

— Увидишь. Идём, это недалеко. Ну, относительно недалеко.

Мы идём обратно к лифтам. Заходим, Иржи набирает двадцать пятый этаж, и через несколько секунд двери открываются.

— Двадцать пятый — библиотечный, — поясняет он. — Там же галерея, актовый зал. И стеклянный сад, если захочешь посмотреть потом. Но сначала — библиотека.

Двери открываются, и мы выходим в пространство, которое я уже мельком видела — высокие светлые потолки, уходящие вверх стеллажи с книгами, мягкие кресла в уютных нишах. Несколько человек сидят с томами в руках, погружённые в чтение, отрешённые от мира, который снаружи только начинает просыпаться. Лампы с зелёными абажурами горят ровным, спокойным светом, и в воздухе витает запах старых страниц и дерева.

Иржи оглядывается, кого-то ищет. Проходит между стеллажами, заглядывает в зоны чтения. Я жду, прислонившись к косяку.

— Странно, — бормочет он, возвращаясь. — Он обычно здесь.

— Кто?

— Элмис. Должен быть.

Иржи снова оглядывается, и в этот момент из-за стеллажа в глубине зала кто-то выходит. Иржи замечает его, поднимает руку.

— Элмис!

Мужчина поворачивается. Я вижу его — высокий, стройный, в длинном пальто цвета топлёного молока. Под пальто — белая водолазка. Волосы у него светло-русые, ниже плеч, прямые, почти до груди. Я машинально отмечаю, что они длиннее моих. На переносице — круглые тонкие очки.

Мужчина кивает Иржи, потом переводит взгляд на меня. Изучает. Без стеснения, но и без навязчивости.

— Это Даряна, моя крестница, — говорит Иржи незнакомцу, подходя ближе. Затем обращается ко мне и кивает. — Дарян, это Элмис — моё доверенное лицо в башне. Нейропсихолог. Он знает о Новом Рассвете и поддерживает нас.

Элмис чуть склоняет голову. Я непроизвольно кошусь на крёстного. Неужели он ему настолько доверяет, что можно говорить о нашей тайной организации при нём, так ещё и в общественном месте? Да, здесь, кроме нас, никого. Но я не удивлюсь, если у стен здесь окажутся не только глаза, но и уши.

— Рад познакомиться, Даряна, — голос у Элмиса мягкий, приятный.

— Взаимно, — отвечаю я, хотя понятия не имею, зачем вдруг Иржи решил нас познакомиться.

— Здесь есть какое-нибудь укромное место? — спрашивает Иржи.

Элмис кивает.

— Есть в зоне чтения. Проходите.

Он ведёт нас в глубину библиотеки, к двери без таблички. Открывает, вежливо пропускает внутрь. Здесь никого. Небольшая комната с креслами, на стенах — картины с океаном, на столе — настольная лампа под голубым абажуром. Мы садимся.

Иржи откидывается на спинку кресла, потирает переносицу.

— Ди, как ты уже знаешь, Элмис — нейропсихолог, — Иржи делает короткую паузу, ловя мой взгляд. — Он работает с повреждениями мозга и аномальными психическими реакциями. Изучает, как наши собственные нейроны могут вытворять такое, что не снилось никаким чипам. Я попросил Элмиса позаботиться о тебе. — Иржи замечает моё помрачневшее лицо и сразу поправляется: — Поработать с тобой. Нам нужно понять природу твоей способности. То, что произошло с тобой в технополисе — он вздыхает, подбирая слова. — Это было нечто большее, чем мы думаем. Ты не просто спрятала всех от бездумцев с помощью своей уникальной мозговой активности — ты их контролировала. Ты вывела из строя всю технику в радиусе сотен метров и заразила её вирусом. Такое нельзя объяснить простым чипом или защитным механизмом. Понимаешь? Моей экспертизы здесь мало. Мне нужно больше информации. О твоих возможностях, ощущениях, чувствах — чтобы составить полноценную картину о тебе и придумать, как это можно исправить или как ты сможешь этим управлять. Но у меня нет времени. Если я заброшу свою работу, те, кто сидит наверху башни, сразу это заметят. А у Элмиса такая работа. Это не будет выглядеть подозрительно. Он поможет тебе разобраться.

Я недоуменно смотрю на Иржи, потом на Элмиса.

— И что я должна делать?

— Вы будете встречаться и беседовать. Регулярно. Перед всеми остальными будет прикрытие — ты работаешь с психологом, потому что переезд на материк и расставание с отцом дали тебе тяжело психически. Никто не узнает правду.

Иржи достаёт планшет, смотрит на экран, морщится.

— Прошу меня простить, но мне пора. Звонят по работе. Потеряли меня уже.

Он поднимается, кивает Элмису.

— Доверяю и оставляю тебе самое дорогое, друг мой.

Иржи выходит. Дверь закрывается за ним с тихим щелчком.

Мы остаёмся вдвоём.

Элмис сидит напротив меня, положив руки на подлокотники. Его пальцы длинные, с аккуратными ногтями. Он не говорит ничего, просто смотрит на меня. Я смотрю на него в ответ.

Тишина затягивается. Я не знаю, что сказать. Он тоже молчит. В комнате слышно, как гудит вентиляция.

Проходит минута. Идёт вторая.

Я отвожу взгляд, рассматриваю картину на стене — скалистый берег, океан, чайки. Потом снова смотрю на него. Он чуть улыбается — одними глазами.

— Вы всегда так пристально смотрите на людей? — наконец спрашиваю я.

— Только на тех, кто меня интересует.

— И что во мне интересного?

— Ваша способность, конечно. И то, как Вы её используете.

Я молчу. Он тоже.

Ещё минута. Он первый отводит взгляд — сдаётся, кажется. Только в глазах появляется азарт.

— Я хочу показать Вам одно место, — говорит он, поднимаясь. — Моё любимое. Оно на этом этаже.

— Я уже, наверное, обошла всё, что здесь можно. — решаю пооткровенничать со своим будущим психологом. — Эта башня начинает мне надоедать, если честно.

— Знаете, башня может Вас ещё удивить. В ней столько потаенных мест, что даже на одном этаже можно полвека потратить на их изучение, если углубиться. И всё равно что-то останется.

Он улыбается — уже не одними глазами. Я встаю, иду за ним.

Мы выходим из библиотеки, и я сразу чувствую разницу. Там, за дверями, воздух был сухим, прохладным, с лёгкой горчинкой старых страниц и мебельного воска. Здесь, в коридоре, он другой — неподвижный, как в помещении, где никто не открывал окна уже очень давно. Элмис идёт чуть впереди, его длинное пальто почти не колышется при ходьбе — шаги у него плавные, неторопливые, словно он не идёт, а плывёт над полом. Я замечаю, как он пропускает меня вперёд на каждом повороте, и как слегка наклоняет голову, когда наши взгляды встречаются.

— Вы давно работаете в башне? — спрашиваю я, чтобы нарушить тишину.

— Достаточно, — отвечает он после короткой паузы.

— И чем именно Вы занимаетесь? Нейропсихология — понятие широкое.

Он поправляет очки — тонкие, круглые, которые сидят на его лице так естественно, будто выросли там.

— Если вкратце, я изучаю людей, которые перестали быть собой. Таких в Ведасграде много. И с каждым месяцем всё больше. Официальная версия Вам известна, я полагаю — заражение, которое пришло с той стороны барьера. Те, кто явился оттуда, принесли с собой болезнь, и теперь она расплзается, как гниль по яблоку. Правительство борется с этим как умеет: ночные облавы СОФ, аппараты богоборцев на каждом углу, принудительное лечение для тех, у кого сканеры зафиксировали отклонения.

Мы сворачиваем в боковой коридор, который я не заметила бы, если бы не шла за ним. Освещение здесь приглушённое, стены обиты тканью цвета слоновой кости, и шаги тонут в толстом ковре. На стенах — гравюры, старые, в тонких рамках, с изображениями садов и парков, каких в Ведасграде точно нет.

— А Вы сами верите в эту версию? — спрашиваю я. — Что болезнь пришла извне?

Элмис смотрит на меня поверх очков, и в его взгляде мелькает лёгкая, едва заметная усмешка.

— Моя работа — не ставить под вопрос общепринятую правду, Даряна. Моя работа — смотреть на результаты. А результаты таковы: люди действительно меняются от взаимодействия с теми, кто приходит из-за забора. Они становятся замкнутыми, агрессивными, теряют связь с реальностью. Аппараты СОФ действительно фиксируют у них аномальную активность. Лечение, которое им назначают, — оно помогает. Иногда. Но помогает ли оно потому, что болезнь настоящая, или потому, что лечение просто подавляет любые отклонения, даже здоровые — я не могу сказать с уверенностью. И никто не может. Слишком много переменных, слишком мало данных, — ученый понижает голос, заостряя внимание на моем лице, — слишком много тех, кому выгодно, чтобы мы не задавали лишних вопросов.

Мы поворачиваем за угол, и коридор расширяется. В конце, за стеклянной дверью, я вижу зелень — настоящую, живую, как на острове.

— А какие самые опасные случаи у Вас были в практике? — спрашиваю я. — Самые страшные болезни психики?

Элмис замедляет шаг. Его лицо остаётся спокойным, но я замечаю, что между бровей появляется складка.

— Знаете, самые страшные — это не те, кто бросается на людей с криками. Таких легко заметить, их быстро изолируют. Опасны те, кто остаётся тихим. Кто улыбается, кивает, проходит проверки с зелёным сигналом. А внутри у них уже давно нет ничего, кроме дыры, которая начинает заполнять пространство вокруг.

— И много таких?

Мужчина вздыхает, качая головой.

— Нет. Я стал свидетелем лишь одного, но запомнил его на многие годы. Был один мужчина. Инженер, работал в системе водоснабжения. Ответственный, тихий, никогда даже не повышал голоса. Его жена умерла за год до того, как я с ним познакомился. Рак. Быстро, мучи-

тельно, оставив после себя двух детей и мужа, который не знал, что делать с горем. Он не пил, не буйствовал, не жаловался. Он просто перестал спать. Не мог заснуть — каждую ночь лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок. Месяц, два, три.

— И что с ним стало?

— Он начал слышать голоса. Не те, которые приказывают убивать или причинять боль. Голоса, которые говорили ему, что он недостаточно хороший отец, что дети его боятся, что они тайком шепчутся о том, как им было бы лучше без него. Он не проверял эти слова, не искал подтверждений. Он просто принял их как истину, потому что внутри него уже не осталось сил сомневаться.

Элмис останавливается, смотрит на гравюру на стене — сад с фонтаном, девушка в длинном платье.

— Однажды ночью он встал, собрал рюкзак, положил туда паспорт, немного денег, фотографию жены. Вышел из дома. Дети спали, он не стал их будить. Просто ушёл. Через три дня его нашли в старом тоннеле метро, в заброшенной ветке, которая не работает уже лет двадцать. Он сидел в темноте, обняв рюкзак, и смотрел в одну точку. На вопросы не отвечал, на прикосновения не реагировал. Просто сидел и ждал.

— Чего?

— Он не сказал. Может, смерти. Может, ответа. Я работал с ним почти год. Постепенно он начал разговаривать, потом — выходить на улицу, потом — даже устроился на прежнюю работу. Внешне он восстановился полностью. Но я знал, что внутри у него всё ещё был тот темный тоннель, в котором он сидит в темноте и ждёт.

Я молчу. Мысль о том, что тишина и вежливость могут быть маской, скрывающей бездну, оседает в голове тяжело.

— А что с детьми? — спрашиваю я. — Они сейчас с ним?

— Нет, — Элмис поправляет воротник водолазки. — Государство посчитало, что он представляет потенциальную угрозу. Детей отдали в интернат. Он навещает их раз в месяц. Они его не боятся. Они вообще пока ничего не боятся.

— Это ужасно..

— Да, — соглашается Элмис. — Но это реальность. Аппараты СОФ не видят разницы между тем, кто ломается от горя, и тем, кто ломается от заразы. Они видят только аномалию. В этом и есть главная опасность.

Мы доходим до стеклянной двери. Элмис открывает её, пропуская меня вперёд. Тепло обволакивает лицо влажными парами. Я делаю шаг и оказываюсь внутри стеклянного купола, под которым растут настоящие деревья, цветы, папоротники. Пахнет землёй и листьями — так, как пахло в лесу сразу после дождя, когда я была в лагере и ещё не знала, что такое запах химии, перебивающей другую химию.

— Здесь хорошо, — говорю я, оглядываясь. — Настоящий свежий воздух.

— Вам так кажется, — отвечает Элмис, закрывая за нами дверь. — Вентиляция фильтрует, увлажняет, добавляет необходимые минералы. Настоящего воздуха здесь нет. Его вообще нет в башне.

Я провожу рукой по листу папоротника — он шершавый, настоящий, не пластиковый.

— Удивительно Я выросла в пустыне, рядом с оазисом, и там после дождя пахло точно так же. Как можно так точно подделать запах?

— Так запрограммировано, — Элмис снимает очки, протирает их шелковым платком из кармана пальто. — Каждый компонент запаха — отдельная формула. Синтез органических соединений, подобранный так, чтобы вызывать ассоциацию с природой. Но это не природа. Это её хороший портрет.

— А Вы знаете, как пахнет свежий воздух? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему. Какой глупый вопрос. Каждый человек бывал на воздухе. Зачем спросила?

Он молчит секунду. Надевает очки обратно.

— Не знаю.

— Как? Тогда почему Вы сказали про свежий воздух? Когда мы вошли в сад. Вы сказали: «Вам так кажется». Но Вы же не можете знать, кажется мне или нет, потому что сами никогда не чувствовали настоящего.

Элмис смотрит на меня — долго, пристально.

— Я должен был проверить, можете ли вы применять собственное восприятие поверх того, что Вам говорят. В башне большинство людей уже потеряли эту способность. Им говорят, что воздух чистый — они верят. Им говорят, что заражённые опасны — они кивают. Им говорят, что аппараты СОФ спасают жизни — и они проходят через турникеты без вопросов. Я хотел посмотреть, какая Вы.

— Мне теперь всегда ожидать проверки от Вас?

— Возможно.

Он чуть склоняет голову — в этом жесте есть что-то старомодное.

— Простите за эту проверку. Я не хотел Вас смутить. Это моя работа.

— Значит, Вы теперь мой надзиратель?

— Нет, — он качает головой, поправляет воротник белой водолазки, выглядывающей из-под пальто. — Думайте обо мне как о возможно, «друг» — это слишком рано. Но вы можете считать меня своим проводником в парапсихологию. Тем, кто позаботится о Вас.

— Приятно знать, что кто-то будет за мной следить. — с легкой иронией вздохнула я.

— Вы меня не так поняли. Скорее, Вам будет казаться, что это Вы следите за мной.

Я усмехаюсь.

— Посмотрим.

— Мне тоже интересно посмотреть, как это будет происходить.

Мужчина мягко улыбается.

— Договорились, — говорю я.

Элмис провожает меня до моих апартаментов. Мы идём через главный холл — высокие колонны, мраморный пол, огромная люстра под потолком. В этом крыле тихо, только наши шаги отдаются эхом.

Я замечаю её первой — фигуру в дальнем конце холла. Высокая, прямая, в строгом костюме. Женщина идёт, погружённая в бумаги, не поднимая головы. Я узнаю её по белым волосам в пучке и по походке — чеканной, будто каждое движение выверено хронометром.

Ода Гербель.

Я спешно хватаю Элмиса за рукав и утягиваю за ближайшую колонну. Он не сопротивляется, только удивленно смотрит на меня, но я уже прижалась спиной к мрамору и замерла.

— Даряна, что случилось? — шепчет он.

— Там Ода Гербель.

— Вы её знаете?

— С первого инструктажа. Она меня на дух не переносит. А я — её.

— Позвольте узнать, чем она Вам так не угодила?

— Всем. Голосом, взглядом, тем, как она поправляет очки, когда делает замечание. А их она делает очень много. Она придирается к каждой мелочи. Не хочу лишний раз с ней пересекаться.

Женщина проходит мимо. Я слышу её шаги — каблуки отбивают дробь по мрамору. Она не останавливается.

Выдыхаю. Отклеиваюсь от колонны.

— У Вас быстрая реакция. Это даже хорошо, что мы успели спрятаться, — говорит Элмис, выглядывая из-за укрытия. — Если мадам Гербель нас заметила бы в такой час и наедине, у неё, конечно же, были бы вопросы.

— У неё всегда есть вопросы.

— Тогда постарайтесь, пожалуйста, чтобы их было как можно меньше.

Я киваю. Он жестом приглашает меня следовать за ним дальше.

— Пойдёмте, я провожу Вас до вашего этажа.

Мы выходим из-за колонны и сворачиваем в боковой коридор, который ведёт к лифтам. Люстры не горят, только редкие бра по стенам. В такой подсветке даже самые роскошные интерьеры кажутся заброшенными.

— Вы знаете, Даряна, — неожиданно произносит Элмис, пока мы идём, — если Вы готовы начать нашу работу, я могу выделить для этого время. Моя лаборатория, конечно, не самое уютное место, но для первых сеансов подойдёт и библиотека. Там тихо, и почти никто не ходит в ранние часы.

— Ранние — это когда?

— Часов в шесть утра. Или после часа ночи. В это время в башне затихает даже технический персонал. Можно спокойно работать, не опасаясь лишних глаз. И ушей.

— А Вы не спите по ночам?

— Сплю, — он чуть улыбается. — Но мало. К старости потребность во сне уменьшается.

Я смотрю на него в недоумении. Старость — странное слово по отношению к человеку, который выглядит на тридцать с небольшим.

Мы доходим до лифтов. Элмис нажимает кнопку вызова, и через несколько секунд двери открываются. Он пропускает меня вперёд — с очередным лёгким поклоном, который кажется не наигранным, а привычным, въевшимся в движения.

— Вы всегда такой вежливый? — спрашиваю я, заходя в кабину.

— Меня так воспитали, — отвечает он, нажимая кнопку тридцатого этажа. — А хорошие манеры, знаете ли, не зависят от времени и обстоятельств.

Лифт едет вверх. Я смотрю на цифры на панели — 26, 27, 28. Элмис стоит чуть позади, сложив руки за спиной. Я чувствую его присутствие — спокойное, ненавязчивое, как у человека, который умеет ждать и не торопит события.

— Почему Вы согласились работать со мной? — спрашиваю я, не оборачиваясь. — У Вас, наверняка, много других дел имеется.

— Иржи — мой старый друг, — отвечает Элмис. — Я доверяю ему. Но согласился я не из-за него. Мне стало интересно. Ваш случай, Даряна он необычный. Я изучаю людей, которые перестали быть собой, уже много лет. Сотни пациентов прошли через меня. Тысячи записей,

сотни тысяч параметров. Но такого, как Вы, я ещё не встречал. Вы не перестали быть собой после аномального выплеска вашей силы. Вы стали собой в квадрате.

— Выплеска силы? — я поворачиваюсь к нему.

— Иржи рассказал мне, что произошло в технополисе. Он не вдавался в подробности, но я понял достаточно.

Лифт останавливается. Двери открываются, и мы выходим в коридор тридцатого этажа. Здесь свет панельный, ровный, без теней. Ковролин глушит шаги.

Элмис идёт рядом, чуть отставая, пропуская меня вперёд на каждом повороте.

— Если Вы решите начать, — повторяет он, — найдите меня в библиотеке. Я бываю там почти каждое утро и каждый вечер. Сажу в дальнем углу, у окна, с книгой. Обычно с одной и той же — мне нравится её перечитывать.

— Какой книгой?

— Старым трактатом о природе сознания. Написан в двадцать втором веке, когда люди ещё верили, что смогут объяснить душу через химию. Это наивно, но красиво.

Мы подходим к моей двери. Я останавливаюсь, поворачиваюсь к нему.

— Спасибо, что проводили.

— Благодарю за компанию, — отвечает он с лёгким наклоном головы. — И до встречи.

— До свидания.

Он разворачивается и уходит. Я смотрю ему вслед, пока он не скрывается за поворотом, потом набираю код двери.

Дверь открывается, и я захожу в темноту. Прохожу в гостиную, живот урчит — громко, требовательно. Только сейчас понимаю, что не ела со вчерашнего дня. А до этого — только чай у мамы.

Босиком иду по коридору в кухонное крыло. В полумраке всё кажется враждебным — стены, пол, мебель. Я включаю свет на кухне. Мраморные столешницы, хромированные поверхности, огромный холодильник.

Открываю дверцу. Внутри — ряды упаковок, бутылок, контейнеров. На средней полке — поднос с выпечкой. Булочки, круассаны, ватрушки. Беру одну, не глядя.

Только закрываю холодильник, как понимаю: сзади меня кто-то стоит.

— А я думал, ты ещё у мамы.

Простая просьба

Вик стоит в дверях кухни. На нем темные джоггеры и толстовка, ноги босые. Волосы у него ещё влажные — видимо, недавно принимал душ. Он смотрит на меня, я гляжу на него, мое внимание приковывает его лицо: падающий на скулы свет делает его черты особенно выразительными.

— А я думала, ты на инструктаже, — отвечаю я, откусывая булочку. Крошки попадают на стол, но мне не до этого.

— Он закончился. — Вик заходит на кухню, останавливается напротив меня, опираясь плечом о холодильник. — Ты знаешь об инструктаже?

— Ты удивлен? С чего бы мне знать? Ты же мне ничего не говорил.

— Извини. Батарея телефона сдохла.

— Понятно.

Он кивает на булку в моей руке, уголок его рта приподнимается, — усмешка это или что-то другое — непонятно.

— Ты только это нашла в холодильнике?

— А какая разница?

— Ты всегда так говоришь, а потом еле ноги волочишь от голода. Не умеешь ты питаться нормально. Если и ешь, то только на ходу или по ночам. Это адекватно, Ди?

— Прекрати. Я нормально питаюсь.

— Я все твоей маме расскажу.

— Только попробуй.

Вик вздыхает с досадой. Протягивает руку, и, не успев подумать, я передаю ему булочку. Просто потому что привыкла всем делиться с ним. Он откусывает большой кусок, жует медленно, ни на секунду не отрывая взгляда от моего лица. Единственное, что я читаю в его взгляде, — это усталость. Настолько привычная усталость...

— Я тебе звонила, — начинаю я.

— Телефон сел. Я же сказал.

— А до этого?

— Оставил его в раздевалке. Мог не видеть твоего звонка.

— А в раздевалке было полно людей? И девушки тоже?

Вик на мгновение застывает, перестает жевать, затем кладет булку на столешницу и смахивает крошки с губ.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что когда я позвонила тебе в четвертом часу утра, трубку взяла какая-то девушка.

Он сдвигает брови, проводя ладонью по лицу. Я не раз видела подобный жест — это значит, что он вымотан или раздражен, а может, и то, и другое.

— Я не знаю, Ди. Кто-то услышал твой звонок и взял мой телефон из шкафчика. В холле, на инструктаже. Вокруг были только коллеги.

— В том числе и женского пола?

— Наверное. Я не присматривался.

— Но почему для них это нормально — брать чужой телефон?

Он не отвечает несколько секунд, и в этой паузе я слушаю тиканье на кухне — то ли часов, то ли работающего холодильника. По взгляду Вика видно скорее недоумение, чем чувство вины, и за ним проглядывает постепенно нарастающее раздражение.

— Ди, я понятия не имею, кто тебе ответил. Если кто-то взял его, пока я был на инструктаже, это уже вопрос безопасности.

— Тебе нужно закрывать шкафчик на ключ.

— Зачем? Мне нечего скрывать.

Я смотрю ему в глаза. Появились тени под глазами, и губы сжались в тонкую линию, но он не отводит взгляда. Это вполне в его стиле — не оправдываться, не лукавить, а просто констатировать факты.

— Ну ладно, — отвечаю я. — Но в следующий раз... Пожалуйста, прячь свой телефон получше.

— Окей.

Он приближается ко мне, останавливается на расстоянии вытянутой руки, но не касается меня. Ждет.

— Я волновалась, — признаюсь я. Эта фраза срывается с губ полупшепотом.

— Ничего не случилось.

— Это я знаю. Но когда ты не отвечаешь, мое воображение рисует самые худшие сценарии. Переписка так внезапно прервалась, а потом еще та девушка...

Он молчит и потирает ладонь. Замечала, в такие моменты как будто он пытается оттереть что-то с рук.

— Я всегда забываю, что переписку как и обычный разговор нужно завершать как следует, — отзывается он. — Обещаю, больше этого не повторится.

— Правда?

— Я никогда тебе не врал. И не собираюсь.

Я только киваю. Он вытягивает руку, и я взглядом скольжу по ней, а потом накрываю его ладонь своей. Его пальцы сжимаются вокруг моего запястья — осторожно, мягко.

— Поешь, — предлагает Вик. — А то в самом деле обессилишь от голода.

Он подносит булочку к моим губам, и я откусываю кусочек, не отрывая от него взгляда. Стоим так несколько минут, и это совсем не вызывает неловкости, а лишь какое-то странное, по-домашнему теплое чувство.

— Иди сюда, — он тянет меня за руку к столу, усаживает на стул, а сам присаживается напротив, опираясь локтями о столешницу и наблюдает, как я жую.

— Не смотри так, когда я ем, — ворчу я с полным ртом.

— Ничего не могу с собой поделать. Ты такая интересная.

— Я не интересная.

— Забавная. С крошками на губах.

Я вытираю рот тыльной стороной ладони, и он утомленно ухмыляется. Мне становится так тепло от этой улыбки — внутри всё как будто наполняется светом.

Вик встает, обходит стол и останавливается позади меня. Чувствую тепло его ладоней на своих плечах — их вес, когда он начинает массировать мои мышцы: неспешно, с усилием, его пальцы ловят напряженные точки и нажимают на них, разминая и разглаживая.

— Ты устала, — произносит он.

— Да.

— Идем в постель.

— Нет, не хочу.

— Почему?

— Голова раскалывается.

Вик продолжает массировать мне плечи, а я закрываю глаза и позволяю себе расслабиться. Его пальцы перемещаются к моей шее, к основанию головы, и боль постепенно стихает, рассеивается по всему телу и исчезает.

— Сходи прими душ. Почувствуешь себя лучше, — советует он.

— А ты?

— Подожду тебя. Никуда не уйду.

Я встаю, поворачиваюсь к нему. Он склоняется надо мной — на голову выше, густые пряди волос спадают ему на лоб, и мне хочется откинуть их назад, но я не шевелюсь.

— Вик?

— Да?

— Спасибо, что ты здесь.

Он не отвечает — вместо этого притягивает меня к себе и прижимает к груди. Я прижимаюсь лбом к его шее, всю вдыхая запах его лосьона, — немного терпкий, с примесью древесных нот, — и сейчас этот запах кажется мне самым важным в мире.

— А зачем ты пришел ко мне, если думал, что я все еще в гостях у мамы? — спрашиваю я, не поднимая головы.

На протяжении долгих секунд он молчит. Я чувствую, как его грудь поднимается и опускается.

— Потому что, когда тебя нет, я сплю в твоей спальне, — наконец отвечает он. В его голосе слышится подавленность, словно он признается в чем-то постыдном.

Я чуть отстраняюсь и смотрю на него. Никакого смущения я не вижу — только отрешенность.

— Ты приходишь и спишь в моей постели, когда я уезжаю к маме на выходные? — повторяю я, и уголки моих губ непроизвольно поднимаются.

— Не начинай.

— Это так мило.

— Это совсем не мило. Просто так удобно. У тебя матрас мягче.

— Вик...

— Чего?

— Это очень мило.

Он закатывает глаза, отворачивается, и я вижу, как напрягается его шея. Он что-то бормочет себе под нос — я не могу разобрать, но интонация знакомая: «вечно все драматизируешь» — или что-то в этом роде.

Я ухожу в ванную, прикрываю дверь и включаю воду. Она горячая, даже обжигающая. Встаю под струю, уставившись на керамическую плитку под ногами, на то, как стекают капли, и мысли начинают путаться. Рэд на шезлонге. Длинноволосая девушка. Ода Гербель с ее ледяными глазами. Иржи, который привел меня к незнакомцу в библиотеке. И телефон. Женский голос в трубке — тот, который я не могу забыть, хотя уже убедила себя, что это ничего не значит.

Я закрываю кран, насухо вытираюсь, надеваю чистое белье и его футболку — ту, что оставила здесь в прошлый раз. Иду в спальню.

Вик стоит у окна спиной ко мне, и я позволяю себе понаблюдать за ним. Его широкие плечи с легким изгибом в области лопаток, стройная талия. Мой взгляд скользит по его фигуре, задерживаясь сверх меры на каждой детали.

Потом он слышит мои шаги и поворачивается.

Его взгляд тут же цепляется за мой, а затем скользит вниз — к моему лицу, к футболке. То, как она свободно висит на мне, края еле доходят до середины бедра. Я замечаю, в какой момент он распознал ее как свою.

На его губах появляется едва различимая улыбка.

— Иди сюда, — мягко приглашает он, раскрывая руки.

Я пересекаю комнату. Его рука обхватывает мою, тепло и уверенно, и он ведет меня к окну — туда, где за стеклом кружатся и мерцают огни Ведыграда. Улицы внизу узкие и темные, тьму прорезают только световые панели, встроенные в стены зданий.

Вик подводит меня к стеклу и становится позади. Его ладони ложатся на мои бедра, и я чувствую его теплое дыхание на своей шее.

— Смотри, — шепчет он.

Я смотрю на стекло. Наши отражения парят в ночной мгле — его руки обвивают мою талию, скользят выше, к животу, затем к груди. Он сминая ткань футболки в кулаках, но не приподнимает ее. Просто удерживает меня так. Прижимает к себе, чтобы между нами не осталось пространства.

Я прикрываю глаза.

— Открой их, — бормочет мне на ухо он. — Взгляни сейчас.

— Да, вид отсюда... — начинаю я.

Но он перебивает меня. Его губы скользят по моему уху.

— Я не о городе, Ди. Я о нас.

Я замираю.

Его пальцы усиливают хватку на моих бедрах. Сначала он нежно целует мою шею — один раз, два... Затем захватывает мои волосы и наматывает их на кулак. Одним легким тянущим движением Вик заставляет мою голову упасть на его плечо. Другой рукой он наконец задирает мою футболку, и его ладонь скользит по моему оголенному животу.

С моих губ срывается тихий звук. Не совсем стон, но и не вздох.

Его дыхание учащается.

— То фото, что ты мне прислала, — произносит Вик, — из ванной. Оно не выходило у меня из головы. На протяжении всего инструктажа — ни на минуту. Как бы ни старался.

— А почему тебе так нужно было выкидывать его из головы?

Я слышу его смешок.

— Ты правда хочешь знать, почему?

Я оцениваю положение, в котором сейчас нахожусь — прижатая к нему спиной, его руки обнимают мое тело, моя голова покоится на его плече.

— Если бы не эта поза, — говорю я, — я бы соврала и сказала, что не хочу.

Он берет мои руки и перемещает их под футболку на мою грудь, его ладони покрывают мои через ткань.

— Но я хочу знать, — прошептываю я, — Почему?

В отражении окна вижу, как он ухмыляется. Удовлетворенно.

Он прижимает меня к стеклу — осторожно, но настойчиво. Мои ладони упираются в прохладную поверхность, и я вижу, как моё отражение нависает над мрачным городом.

Вик прижимается ко мне сзади, и я ясно ощущаю его сильное желание. Жар разливается по моему лицу, груди, внизу живота.

— Вот почему, — процеживает он. — Каждая мысль о тебе так на меня действовала. Как такое возможно, Ди? Объясни мне. Почему ты каждый раз доводишь меня до такого состояния, будто я еще не видел тебя обнаженной?

Он вжимается в меня сильнее, и я откидываюсь на него, замуривая глаза.

— Открой глаза, — приказывает Вик, прижавшись губами к моей шее. Он покрывает ее поцелуями, кусает, а затем ласкает языком. Его бедра давяще прижимаются ко мне. — Ты хотела узнать, почему я вдруг оставил свой дурацкий телефон в шкафчике? Серьезно, Ди? После той фотки, которую ты прислала? Ни на чем нельзя было сосредоточиться — а ты там даже и не была без одежды. Выбросил телефон, чтобы перестать пялиться на тебя при всех.

Он слегка прикусывает мое ухо, а потом ласково целует его, успокаивая.

— Как это возможно, — шепчет он, — что ты так сильно обладаешь мной?

Я с трудом сглатываю.

— Ты... ты со мной делаешь то же самое.

— Да? И где твои доказательства?

Я выдавливаю из себя потрясенный смешок.

— То, что ты не ощущаешь выпуклости в моих штанах, не означает, что я не испытываю того же, что и ты.

Он глухо хмыкает, и этот низкий, теплый звук вибрирует через его грудь прямо в мое сердце.

— Не знаю даже, что сексуальнее, — шепчет он, — то, что ты сейчас в моей футболке, или твоя способность использовать мое собственное чувство юмора против меня же.

Его пальцы проникают под пояс моих трусиков и спускают их вниз.

— Не шевелись, — спокойно командует Вик.

Я остаюсь неподвижной, ладони прижаты к стеклу, спина слегка выгнута, пока он меня позиционирует. На мгновение он отступает. Раздается звук застежки-молнии, шорох ткани — и вот Вик снова касается моей спины. Обнаженный.

Он проникает в меня медленно. Настолько медленно, что каждый сантиметр дарит свое особое ощущение. Я стону, еще больше выгибая спину, а бедра инстинктивно требуют усиления ритма, усиления трения.

Его рука крепко сжимает мое бедро.

— Не двигайся.

Он толкается глубже, до самого упора. Я чувствую легкое жжение — тянущее ощущение, пограничное с болью, — и захватываю дыхание.

— Это похоже на пытку, — с напряжением в голосе проговаривает он, — но это единственное, что заставляет меня чувствовать себя живее, чем когда-либо.

— Пожалуйста, — едва выговариваю. — Двигайся.

Его рука сжимает мое бедро, а другая — надавливает в районе лопаток, заставляя меня максимально выгнуть спину. Наконец, он начинает двигаться.

Сначала медленно. Глубокие, тягучие толчки, при которых он почти полностью выходит, а затем погружается вновь. Каждый толчок сильнее прижимает мою грудь к стеклу, и этот контраст — холод на коже и его жар внутри меня — лишает меня сил в коленях.

А затем он ускорился и стал проникать все жестче.

Его дыхание участилось, срываясь на приглушенные мычания — низкие и сдержанные, — которые я никогда раньше не слышала от него. Я прекращаю прикусывать губу и просто погружаюсь в стоны, потому что запотевшее стекло и так всё отзеркаливает. Его лицо, напряжённое и прекрасное. И моё — раскованное.

Его рука проскальзывает ко мне спереди, пальцы находят именно то место, что нуждается в них больше всего. Давление нарастает в моём лоне, закручиваясь всё круче и круче, пока я не задыхаюсь, выкрикивая его имя.

— Вот так, — нашептывает Вик мне в затылок. — Не сдерживайся.

Я взрываюсь от ощущений вокруг него, все мое тело напрягается, и я стону во весь голос, срываясь на мольбу. А он продолжает доводить меня до иступления, не останавливаясь, пока я не начинаю трястись.

Затем он выходит — буквально за мгновение до того, как потерял бы контроль — и прижимается ко мне. Мы оба тяжело дышим.

Я слышу, как он хмыкает против моего плеча. Наклонившись, Вик бережно помогает мне выпрямиться. Затем он обнимает меня сзади, одна рука обхватывает мою грудь, другая — талию. Наши отражения смотрят на нас — покрасневшиеся, исчерпавшие себя до дна, но все еще тесно прижатые друг к другу.

Его пальцы скользят по краю моей футболки, а затем приподнимают ее. Ткань собирается гормошкой на талии, потом поднимается выше, и прохладный воздух касается моей обнаженной кожи. Я не шевелюсь. Смотрю, как его отражение наклоняется ко мне, как его губы находят мою шею. Его поцелуй замедленный. Он наполняет меня легкостью. Кажется, что я летаю. А потом — по всему телу разливаются волны наслаждения.

На мгновение прикрываю глаза и, когда открываю их, ловлю его взгляд в отражении — полный страсти и желания.

— Через неделю, — слышу его хриплый голос. Его ладонь скользит ниже по моему животу. — Нас допустят в город. Мы наконец-то увидим Ведыград.

— Я хочу пойти с тобой, — отвечаю я с прерывающимся дыханием, когда его пальцы ласкают низ моего живота.

— Нет, Ди. — Он притягивает меня к себе еще плотнее. — Если мы и отправимся в этот город вместе, то точно не с патрулем СОФ.

Я поворачиваю голову в попытке увидеть его лицо вживую, а не в отражении. Вик лишь зажимает меня в своих объятиях, не позволяя этому случиться.

— Почему? — тихо спрашиваю я.

— Мне рассказали патрульные, что они видят, когда несут службу там. То, что творится в городе по ночам дальше пятого круга — это не для слабонервных, Ди.

— Что может быть хуже бездумцев? — хмурюсь я. — Мы видели на острове всё. Что может быть страшнее?

— Барьер вокруг города существует не просто так. — Он понижает голос. — Есть нечто, что сводит городских с ума. И если вирус бездумия передавался через укусы, с кровью, то про эту дрянь никто ничего не знает. Никто. Этим оно и опасно. Я тебя дальше третьего круга не отпущу, Ди. Дальше опасно.

Вик выпрямляется, и тут же его руки спускаются к моим коленям, чтобы поднять меня. Я только и успеваю обхватить его за шею, потому что мое тело слишком слабо, чтобы двигаться самостоятельно, и я очень признательна ему за эту помощь.

Когда он укладывает меня на постель, я не пытаюсь даже притвориться, что у меня еще остались силы, и просто падаю на подушку. Вик наклоняется к моему животу и целует его там, где случайно закатилась футболка, а затем поправляет ее. Я прищуриваю глаза и улыбаюсь. Становится тихо. Вик куда-то ушел, но я не успеваю запаниковать, как чувствую, что матрас рядом со мной слегка прогибается. Он вернулся. Как я вообще могла подумать, что он оставил меня?

Неожиданно что-то теплое касается моего лица. Я морщусь нос и чувствую, как он наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб. И снова что-то теплое касается моей щеки. Затем это что-то опускается на мою шею, и я осознаю, что это влажное полотенце, которым он меня обтирает.

Его движения очень бережные, и вскоре я расслабляюсь еще больше, наслаждаясь процессом.

Закончив, Вик затихает. Я чувствую, как он ложится рядом со мной, но не настолько близко, чтобы ощутить его тепло. Вздыхая, я поворачиваюсь на бок, чтобы дотянуться до него, но он опережает меня. Его руки обвивают мою талию, пальцы слегка надавливают на спину, подтягивая меня к груди.

— Я не доверяю никому, кроме тебя, Ди, — неожиданно шепчет он. — Если я сойду с ума ты — единственная, кто сможет вытащить меня обратно.

Я вздрагиваю — не от болезненного ощущения, а от серьезности его слов.

— Зачем ты так говоришь?

Его мрачный смешок доносится до меня через вибрацию его груди. Затем он касается губами моей макушки, а когда я поднимаю голову — уголка моих губ. Он не торопится, прижимаясь к моим губам мягко и жарко, словно у нас впереди еще одна ночь.

— Потому что это правда. И ты это знаешь.

Я ничего не могу ответить. Может, он прав. Он будет рисковать жизнью на рейдах СОФ, и только одному Богу известно, что происходит на таких операциях в черных кварталах города после пятого круга и как это сказывается на тех, кто патрулирует, и на тех, кого патрулируют. Но прямо сейчас для меня все, что останется, — это его крепкие руки. Его тихий голос. То

окно и отражения двух людей, которые не знают, что принесет им завтрашний день, но они будут вместе, что бы ни случилось. Ведь они уже прошли через многое вместе.

Вик вновь целует меня.

И я больше не думаю ни о чем.

Дьявольский час

Я проснулась от внезапного, почти физического ощущения пустоты. Кожа всегда точнее улавливает одиночество.

Я повернулась на бок, протянув руку, но пальцы нащупали лишь пустоту. Подушка на его половине была смята, а в самом воздухе комнаты еще прослеживался тот едва уловимый покой, который воцаряется сразу после того, как кто-то тихо покидает помещение.

Некоторое время я просто лежала, уставившись в матовый потолок. Мысли текли вяло, но в них отчетливо сквозила горечь. Эта колоссальная башня с ее бесчисленными этажами и социальными уровнями была спроектирована с одной целью — незаметно, слой за слоем, разделять людей. Нас с Виком планомерно разводили по разным углам этой жесткой системы, и осознание этого факта не принесло мне ясности в мыслях. Наоборот. Я почувствовала себя просто беспомощной.

Экран телефона на прикроватной тумбочке оставался безжизненным. Ни единого уведомления, ни одного пропущенного вызова от него. Несколько дней назад Вик вскользь упомянул о каком-то утреннем инструктаже на неделе, но тревога заставила меня отправить короткое, состоящее всего из двух слов сообщение: «Ты где?».

Я прекрасно понимала, что ответа не последует в ближайшие часы. В дневное время суток им категорически запрещалось пользоваться личной связью, словно система стремилась полностью стереть их прежние привязанности.

Выпугавшись из одеяла, я прошла босиком в ванную комнату. Холодная вода взбудрила меня, но зеркало над раковиной безжалостно отразило мое состояние: сонный вид, и застывшее выражение ожидания на лице.

Я принялась заплетать волосы в тугую косу, но на половине пути бросила это занятие, позволив им тяжелыми прядями рассыпаться по плечам.

В гардеробной обнаружилось несколько комплектов одежды, которые Валентин столь любезно подобрал для моего нового гардероба. Ни единого намека на цвет или индивидуальность — сплошная монохромная гамма из глубокого черного и графитового серого. Он говорил, что такое здесь в моде.

Облачившись в плотные джинсы и свободный серый свитер, я привычным жестом закатала рукава до локтей. Но стоило мне переступить порог коридора, как под потолком беззвучно сработали датчики движения, заливая пространство светом. Толстый ковролин полностью поглощал звуки моих шагов, отчего я казалась самой себе призраком, плавно скользящим к лифтовым шахтам.

Транспортная капсула прибыла почти мгновенно. Короткое нажатие на сенсор двадцатого этажа — и легкое головокружение ознаменовало спуск. Ресторанная зона Ведасграда в этот час пребывала в своем привычном, застывшем великолепии. Безупречно белые скатерти, огромные панорамные окна во всю стену, за которыми простиралось туманное серое утро, рассеченное шпилями соседних высоток. Валентина я заметила сразу, еще до того, как он при-

ветственно поднял руку. На нем был элегантный кремовый пиджак и тонкая водолазка в тон — он выглядел настолько безукоризненно, словно его фигуру только что извлекли из фабричной упаковки. Наши совместные воскресные завтраки в башне стали своего рода традицией, и сегодняшнее утро не стало исключением.

— Ты сегодня рано, Даряна, — произнес он, когда я опустилась в глубокое кресло напротив.

— А ты выглядишь так, будто у тебя есть доступ к секрету вечной свежести, чего не скажешь обо мне, — отозвалась я, устраиваясь поудобнее.

— Напротив. Выглядишь прекрасно. Но вот твое лицо говорит о том, что ночь выдалась излишне длинной.

Появившийся официант безмолвно опустил на стол две кожаные папки меню с золотым тиснением. Мой выбор ограничился классическим омлетом и порцией крепкого черного кофе; Валентин же предпочел легкий фруктовый салат и чашку зеленого чая.

Пока заказ готовился, я вновь повернулась к окну. Там, далеко внизу, сквозь плотную пелену смога проглядывали очертания нижних улиц. Редкие, крошечные фигурки прохожих казались механическими куклами, заведенными чьей-то невидимой рукой. Весь этот город оставлял ощущение гигантской, искусно выполненной, но совершенно мертвой декорации.

— Слышала последние новости? В технополисе Край творится нечто невообразимое, — негромко начал Валентин, помешивая чай изящной ложкой. — Массовый исход населения на материк приобретает характер катастрофы. Слухи твердят, что автоматизированные системы буквально объявили войну своим создателям. Настоящий технологический Армагеддон, если отбросить официальные сводки.

— А от моего отца есть какие-то известия? — тихо спросила я, заранее зная, каким будет его ответ.

Валентин остановился, его взгляд стал непривычно серьезным, а в глубине глаз промелькнуло искреннее сожаление.

— Поверь, Даряна, я нахожусь в точно таком же неведении, как и ты. Мой доступ к информации в данном случае ничуть не превышает твой собственный.

Я лишь молча кивнула. Это не означало, что я поверила его словам, просто продолжать этот диалог не имело смысла. Валентин в совершенстве владел искусством дипломатических полунанамеков и обтекаемых формулировок, и я давно отвыкла ждать от него прямых, честных ответов. Даже если он и знал что-то, вполне возможно, что кто-то мог сказать ему не распространяться об этом.

В этот момент к нашему столику подошла Мия. Ее появление можно было заметить издали: новая, радикально короткая стрижка, строгие линии черного костюма и практичные туфли на низком каблуке. В ее движениях появилась новая, собранная уверенность, полностью вытеснившая ту изнуряющую усталость, которая не покидала ее в первые недели пребывания в Ведасграде.

— Не помешаю? — поинтересовалась она, останавливаясь у края нашего стола.

Валентин галантным жестом указал на свободное место, и Мия опустилась на стул рядом со мной.

— Тебе невероятно идет этот образ, — искренне заметила я. Короткие волосы подчеркивали точеные, красивые линии ее скул, делая взгляд более открытым и пронизательным. Вся ее фигура теперь излучала скрытую силу.

— Пришлось походить немного, чтобы привыкнуть к отсутствию прежней длины, — иронично улыбнулась Мия, морща нос.

Официант вернулся, расставляя тарелки. От моего омлета, украшенного свежей зеленью, поднимался ароматный пар, но аппетит пропал. Я лишь лениво перебирала вилкой по краю тарелки, пока Валентин увлеченно пересказывал подробности нового культурного проекта, где он теперь занимал должность доверенного ассистента. Мия слушала его краем уха, время от времени вставляя свои фирменные, наполненные сарказмом реплики.

Внезапная вибрация в кармане заставила меня вздрогнуть. Я поспешно извлекла аппарат и вчиталась в короткие строчки от Вика: *«Я на сорок пятом. Нас заблокировали на ночной инструктаж. Выделили временный сектор для размещения на этаже. Буду завтра»*.

Я перечитала сообщение трижды, словно надеялась, что между ними чудесным образом проступит что-то еще — банальное «береги себя» или «скупаю». Но текст оставался неизменным.

— Новости с передовой? — поинтересовался Валентин, заметив, как изменилось выражение моего лица.

— Ничего особенного, — я поспешно убрала телефон обратно. — Вик сообщает, что их подразделение задерживают до завтрашнего дня.

Мия оперлась локтями о край стола, подавшись чуть вперед.

— Вы ведь почти перестали видеться, верно?

— Да. Из-за его распределения, — тихо отозвалась я.

Мия ненадолго задумалась, а затем твердо произнесла:

— Ди, у кого дедушка председатель СГБ, а? Тебе нужно поговорить с ним. Его влияние в этой башне большое, один его звонок может полностью изменить условия проф-распределения.

— И заодно выхлопотать для тебя личные апартаменты с видом на цветущие сады, не так ли, Мия? — с легкой иронией вставил Валентин.

— А почему бы и нет? — парировала она, даже не моргнув. — Мое нынешнее жилище выходит аккуратно на центральную вентиляционную шахту. Каждое утро я просыпаюсь от такого оглушительного гула, будто под окнами разворачивается финал третьей мировой войны.

— Вы поразительно циничны, дорогая Мия.

— А вы, Валентин, являетесь собой эталон рафинированного лицемерия. Ваш безупречный костюм телесного оттенка, так тщательно сливающийся с кожей, призван замаскировать лишь вашу собственную безвкусицу.

— Считаете? Что ж, а ваша новая прическа лишней раз доказывает, что чувство меры — это редкий дар, обошедший вас стороной.

Я переводила взгляд с одного на другого, и на душе впервые за утро стало немного легче. На какое-то мгновение показалось, что мы находимся не в строгой цитадели тоталитарного контроля, где каждый уровень делит людей на касты, а в самом обычном городском кафе, где старые знакомые могут беззлобно подкалывать друг друга в беседе за чаем.

— Спасибо вам, — негромко произнесла я, прерывая их пикировку. — За то, что вы рядом. Вы мои единственные друзья здесь.

— Боюсь, от нашего присутствия слишком мало толку, — со вздохом заметил Валентин, поправляя манжеты. — Раз уж мы не способны избавить тебя от этой тревоги.

— О, не скромничайте, Валентин, — отмахнулась Мия. — Ваш изысканный гардероб со своей задачей справляется отлично.

— И все же, возвращаясь к вашей стрижке — начал было Валентин, но я поднялась со своего места, пресекая очередную волну спора.

— Мне пора. Пойду попробую разыграть свою главную карту. Навещу дедушку.

— Удачи, Ди, — напутствовала меня Мия.

Коротко кивнув им на прощание, я направилась к выходу из ресторанного зала.

Световые панели в коридоре вновь послушно отреагировали на мое приближение. Капсула лифта приняла меня в свое нутро и плавно увлекла вверх, к моей квартире, где на комодѣ дожидался белый прямоугольник временного пропуска. Тот самый, который вручил мне дедушка при нашей первой официальной встрече.

Мой родной дедушка Человек, чье имя внушало трепет половине башни, которого я совершенно не знала, но который сейчас оставался моей единственной опорой в этой системе. Хотя едва ли его вмешательство можно было назвать помощью.

Пластик пропуска казался ледяным и гладким, словно чешуя глубоководной рыбы. Зажав его в кулаке, я решительно шагнула обратно к лифтовым холлам.

Семьдесят пятый уровень. Сенсорная панель послушно вспыхнула под моим пальцем.

Кабина рванула ввысь с такой скоростью, что в ушах мгновенно заложило от резкого перепада давления. На голографическом табло сменялись цифры: тридцать пять, сорок два, пятьдесят один. Из зеркальной поверхности дверей на меня смотрело собственное отражение — суровое, с плотно сжатыми губами и глазами, в которых застыло слишком много пережитого, чтобы теперь пасовать перед какими-то чиновниками.

Шестьдесят восемь. Семьдесят три. Семьдесят пять.

Двери разошлись в стороны со звуком тяжелого вздоха.

Центральный коридор этого уровня поражал своими масштабами. Здесь легко могли бы разминуться в ряд десятки машин. Пол был выложен редким темным камнем, идеально отполированная поверхность которого отражала каждый источник света. Стены украшали панели из мореного дерева. В промежутках между ними мерцали золотистые печати Совета государственной безопасности — стилизованное всевидящее око, заключенное в контур щита и обрамленное лавровыми ветвями.

Мимо меня деловито перемещались группы людей, облаченных в форму высшего аппарата власти: строгие темные костюмы, ослепительно белые сорочки и лица, полностью утратившие способность выражать хоть какое-то дружелюбие. Младшие помощники с планшетами последнего поколения, старшие советники с едва заметными гарнитурами связи, безликие функционеры, чьи имена никогда не попадут в официальные хроники. Никто из них не удостоил меня даже мимолетным взглядом. Для этой системы я оставалась лишь очередной безликой посетительницей, просительницей, которой что-то понадобилось от тех, кто занимал вершины этой пирамиды.

В самом конце галереи меня ожидала специальная транспортная платформа — круглый подиум, очерченный неоновыми синими направляющими огнями.

Стоило мне ступить на него, как из боковой ниши бесшумно выкатилась небольшая автономная капсула с глубоко тонированными стеклами. Дверца взмыла вверх с мягким шипением.

Я устроилась на кожаном сиденье и нажала нужный номер сектора на панели. Экипаж тронулся без малейшей вибрации, увлекая меня в лабиринт переходов, которые становились все более узкими и уединенными.

Стерильные общественные зоны сменились закрытыми административными блоками, а затем — секретными секциями, где на дверях полностью отсутствовали какие-либо таблички, уступив место сложным биометрическим сканерам. Освещение постепенно сменило свой спектр с холодного белого на глубокий янтарный, а после и вовсе перешло в тревожные багровые тона, создавая полное ощущение того, что мы погружаемся в самую чашу работающего механизма.

Спустя ровно десять минут капсула замерла. Дверь открылась в небольшой замкнутый коридор. Настенные бра отбрасывали мягкие, неровные тени здесь, а в самом конце этого тупика возвышались монументальные двустворчатые двери из темного дерева с массивными латунными рукоятками. Рядом на стене располагалась лаконичная металлическая пластина: **«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**.

Ни фамилии, ни званий, ни инициалов. Человек, занимающий это кресло, явно не нуждался в том, чтобы представляться миру.

Я приложила карту к сканирующему устройству. Раздался щелчок, сменившийся тихим жужжанием внутренних замков, и створка плавно подалась вперед.

Приемная оказалась неожиданно просторной, но из-за обилия рабочих станций и терминалов она оставляла ощущение некоторой тесноты. За столами ровными рядами сидели многочисленные секретари и аналитики. Их экраны непрерывно транслировали бесконечные потоки данных, а в воздухе стоял ритмичный перестук клавиш. Я насчитала около десятка сотрудников здесь, полностью погруженных в свои графики. Но ни один из них даже не поднял головы при моем появлении. И это было мне на руку. Лишнее внимание повлекло бы за собой официальные процедуры, доклады, утомительные условности вежливости, на которые у меня сейчас попросту не оставалось внутренних ресурсов. Мне хотелось застать дедушку до того, как он успеет нацепить свою привычную маску государственного деятеля. А это он делал после обеда.

Я осторожно двинулась вдоль стены, стараясь держаться в тени перегородок. Лишь один из помощников мельком скользнул по мне взглядом, но тут же потерял интерес, вернувшись к своим таблицам. Преодолев основную зону, я заметила в дальнем углу узкое ответвление — темную галерею, лишенную каких-либо опознавательных знаков, если не считать красноватого отсвета, пробивающегося из глубины.

Стоило мне сделать шаг туда, как рабочие звуки офиса мгновенно отсекались, словно их выключили тумблером. Стены этого потайного прохода были обтянуты плотным малиновым бархатом, который полностью поглощал малейшие шорохи. Ноги буквально утопали в мягком ворсе ковра. Я продвигалась вперед с максимальной осторожностью, едва дыша. Багровый свет становился все ярче, указывая дорогу к источнику звука.

Первой до меня донеслась музыка. Это были глубокие аккорды пианино, звучащие в минорной тональности; каждый звук словно застывал в пространстве. Спустя мгновение к клавишным присоединился тягучий, надрывный плач виолончели, и эти две партии слились в единую, скорбную мелодию.

Как я поняла за эти шесть недель, мой дедушка питал слабость к подобным композициям — к музыке, которая оставляет после себя щемящее чувство невосполнимой утраты еще до того, как ты успеваешь осознать, что именно потерял.

Затем послышались голоса. Я замерла у самого поворота, практически слившись с бархатной обивкой стены. Коридор выводил в обширный кабинет, откуда струилось то самое теплое багровое свечение. Моему взору открылся лишь фрагмент массивного книжного стеллажа, часть паркета и угол тяжелого письменного стола. Но голоса внутри были слышны безупречно — три низких, размеренных мужских голоса, привыкших к тому, что каждое их слово имеет вес.

Первым заговорил мой дедушка. Я сразу узнала его голос.

— Мы столкнулись с критическим временным фактором. Данный паттерн отслеживался нашими аналитиками на протяжении последних месяцев, и его стабильность во всех девяти

кругах города не вызывает сомнений. Наиболее отчетливо аномалия проявляется в непосредственной близости к внешнему барьеру. Ровно в 3:33 ночи влияние наших психо-поведенческих излучателей достигает своего пика. Именно в эту минуту предрасположенные субъекты приходят в движение.

Наступила короткая пауза. Затем раздался другой голос — более молодой, гладкий, с отчетливыми интонациями человека из высшего общества:

— Приходят в движение? Или их целенаправленно выдергивают из фазы сна?

— А есть ли принципиальная разница? — в тоне дедушки промелькнула насмешка. — Просыпаются ли они под воздействием внутренних триггеров или их пробуждает наш сигнал — конечный результат идентичен. Субъекты оказываются в состоянии полного паралича, сердцебиение зашкаливает, их накрывает волна первобытного, необъяснимого ужаса. Некоторые граждане в ходе опросов описывают это состояние так, словно чья-то ледяная рука сжимает их горло. Другие утверждают, будто температура в помещении резко падает, а по углам материализуются отчетливые тени.

— И подобное фиксируется каждую ночь за третьим кругом?

— Каждую ночь у определенного процента населения. У остальных — циклично, в зависимости от индивидуальной восприимчивости. Мы все еще продолжаем картировать эти переменные, — послышался характерный шелест бумаг, и я легко представила, как дедушка скользит пальцами по сенсорному экрану, сверяя графики. — Но общая картина очевидна. Время 3:33 ночи — это момент максимальной уязвимости психики граждан. Иммунные показатели падают, уровень кортизола достигает пиковых значений, и у лиц с пограничными состояниями психоз окончательно берет верх над разумом.

В разговор вступил третий участник — его голос был более глубоким, с характерной картавостью:

— Каковы ваши дальнейшие предложения, господин председатель?

Дедушка ответил далеко не сразу. До меня донесся едва слышный звон хрусталя и плеск жидкости. Мне доводилось слышать от его подчиненных о некоторых его незыблемых привычках: ровно десять миллилитров чистого абсента раз в день, без всякого сахара, разбавленные ледяной водой. «Исключительно для поддержания тонуса сосудов», — любил повторять он, хотя истинная причина наверняка крылась в другом.

— Знаете, господа, а ведь в древности существовало одно любопытное суеверие насчет этого часа, — наконец произнес дедушка. — Этот промежуток времени именовали «дьявольским часом». Время ведьм и черной магии. Считалось, что именно в 3:33 грань между мирами истончается до предела, позволяя мертвым вступать в контакт с живыми. Разумеется, с точки зрения науки это полнейшая чушь. Однако страх, который испытывают эти люди, абсолютно реален. А реальный страх, господа, — это ценнейший стратегический ресурс.

— И как именно вы планируете его использовать? — поинтересовался обладатель гладкого голоса.

— Любой ресурс можно направить в нужное нам русло. Его можно формировать и видоизменять,— дедушка сделал короткую паузу. — Представьте себе картину: вместо того чтобы пребывать в состоянии парализующего ужаса наедине со своими кошмарами, эти люди получают возможность наблюдать некий контент. Контент, который будет обращаться напрямую к их страху, признавать его существование, давать ему имя и осязаемую форму, а затем — плавно, почти гипнотически, сводить его на нет.

— Вы ведете речь о масштабной трансляции?

— Я веду речь о принципиально новой программе. Специальный ночной эфир, стартующий ровно в дьявольский час. Его задача — мгновенно перехватить внимание проснувшегося в панике человека, вытеснить из его сознания стук собственного сердца и предложить взамен иную реальность.

Картавый голос третьего собеседника отозвался с легким сомнением:

— Психологическая обработка под видом ночного развлечения?

— Если формулировать суть вещей столь грубо, то да, — тон дедушки оставался ровным. — Лично я предпочитаю термин «направленная эмоциональная коррекция». Мы не в состоянии полностью ликвидировать страх на данном этапе развития технологий, но мы вполне способны взять его под контроль. Мы дадим их ужасу сюжетную линию, интригу и последующее разрешение. И тем самым сформируем у населения нужный нам условный рефлекс.

В кабинете на несколько мгновений воцарилась абсолютная тишина. Затем гладкий голос произнес с явным напряжением:

— Вы предлагаете реанимировать телепроект «Кадота»?

— Я предлагаю перевести его на следующую ступень эволюции. Старая «Кадота» долгое время удерживала абсолютное лидерство по просмотрам во всех кругах города, но после того досадного скандала, когда достоянием общественности стали неприглядные факты из прошлого одного из фаворитов, показатели стремительно покатались вниз. Массам не нужен сложный, противоречивый герой с кучей внутренних демонов. Им требуется абсолютная ясность и предсказуемость. Нам необходимо создать принципиально новый продукт, структура которого больше не будет завязана на конкретных личностях.

Прежде чем кто-то успел продолжить дискуссию, за моей спиной раздался едва слышный шорох. Щелчок двери и негромкий звон фарфоровых чашек.

Я резко обернулась, едва сдерживая панику.

В паре шагов от меня стояла немолодая женщина, удерживая в руках массивный серебряный поднос с дымящимся чайником. Ее простое серое платье и аккуратно собранные в пучок волосы выдавали в ней личную экономку. Выражение ее лица оставалось абсолютно непроницаемым, а в глазах не отразилось ни тени удивления от того, что она застала внучку председателя за подслушиванием.

— Чай готов, мисс Калиш, — произнесла она едва слышным шепотом. — Мне доложить о вашем прибытии господину председателю?

Кровь мгновенно прилила к моим щекам, обжигая кожу волной стыда.

— Не нужно, спасибо, — выдохнула я. — Я войду сама.

Женщина едва заметно наклонила голову и бесшумно растворилась в полумраке галереи.

Сделав глубокий вдох, я решительно переступила невидимую черту и шагнула в багровый свет кабинета.

Пространство оказалось куда более внушительным, чем виделось из-за угла, хотя обилие предметов мебели скрадывало объемы. Высокие книжные шкафы уходили под самый потолок, их полки ломались от старинных фолиантов, чьи кожаные корешки казались готовыми рассыпаться от малейшего прикосновения. В центре комнаты доминировал гигантский письменный стол, заваленный бумажными картами, мерцающими терминалами и какими-то старинными приборами. Единственным источником света служила настольная лампа под тяжелым абажуром из темно-малинового стекла. Глубокие тени клубились по углам, превращая стеллажи в подобие мрачного, застывшего леса.

За столом, в высоком кресле с обивкой из кожи, восседал мой дед.

Богдан Калиш не отличался внушительным телосложением, но его внутреннее присутствие полностью заполняло собой это пространство. Моложавое лицо, копна седых волос, аккуратно зачесанных назад. На нем были старомодные очки в тяжелой черепаховой оправе, однако линзы имели характерный бледно-сиреневый оттенок.

— Даряна, — произнес он, слегка приподняв брови. — Ты сегодня опережаешь все графики.

— Здравствуй, дедушка. Мне просто очень не хотелось повторить свою прошлую ошибку с опозданием.

Его губ коснулась мимолетная улыбка. Он перевел взгляд на двух мужчин, устроившихся в креслах напротив его стола.

— Тогда позволь познакомить тебя с моими коллегами.

Первый из них немедленно поднялся со своего места. Это был высокий, худой человек, чья фигура казалась излишне вытянутой. Иссиня-черные волосы были безупречно уложены лаком, а тонкая металлическая оправа его очков поймала блик малиновой лампы, на секунду превратив его глаза в два алых кружка. Строгая черная водолазка подчеркивала его аскетичный силуэт. Вставая, он точным, почти шегольским движением поправил воротник. Дедушка представил его как Альдрика Курагина.

— Это наш советник по вопросам культуры, — пояснил он. — Именно господин Курагин руководит всеми медийными проектами, призванными поддерживать должный уровень вовлеченности наших сограждан.

Курагин ограничился сдержанным поклоном.

— Искренне рад нашему знакомству, мисс Калиш, — произнес он. Я поняла, что тот гладкий голос принадлежал именно ему.

Затем со своего места неторопливо поднялся второй мужчина, выходя на свет. Этот был гораздо шире в кости, грузный, облаченный в запредельно дорогой классический костюм из той ткани, стоимость которой превышала годовой доход обитателя нижних уровней башни. Лицо его отличалось нездоровым багровым оттенком с сеткой лопнувших капилляров, а маленькие темные глаза глубоко затерялись в складках рыхлой кожи. Никакого намека на вежливость или улыбку. Его взгляд обрушился на меня со всей своей пугающей тяжестью, заставив меня почувствовать физическое давление в груди.

Как только наши взгляды встретились, по моей спине пробежался холод.

Передо мной стоял Эрих Петро.

Мне не нужно было вспоминать его имя — этот человек слишком прочно врезался в мою память. Наша последняя встреча состоялась в бушующем хаосе технополиса. Я своими глазами видела, как многотонные перекрытия центра адаптации обрушились вниз, погребая под слоем пыли и обломков всех, кто находился внутри. Я была абсолютно уверена, что Арто Фишер — режиссер Кадоты, и он — спонсор проекта, нашли там свою смерть.

Но сейчас Эрих Петро стоял прямо передо мной. Живой, невредимый и все такой же опасный.

— Господин Петро, — произнесла я, заставляя себя не отводить взгляд от его тяжелого лица. — Какая поразительная встреча. Мы ведь уже имели удовольствие общаться. В технополисе.

Эрих Петро грузно опустился обратно в кресло. Выражение его лица не дрогнуло, но я отчетливо заметила, как его пухлые пальцы с короткими ногтями сжали деревянный подлокотник кресла.

— Неужели? Память порой играет с нами в странные игры, мисс Калиш.

— Мы находились с вами в одном секторе центра адаптации в тот самый момент, когда прогремел первый взрыв, — я намеренно сделала паузу, следя за ним. — Здание складывалось как карточный домик. Это было кошмаром.

Петро тоже пристально изучал меня на протяжении нескольких секунд. Затем в его груди зародился низкий смешок.

— У вас феноменальная память для вашего возраста, мисс Калиш, — он небрежным жестом одернул полы дорогого пиджака. — Что же касается моего чудесного спасения Скажем так, фортуна оказалась на моей стороне. В момент обрушения я находился в непосредственной близости от бронированного пожарного выхода. Пара ушибов и обширные гематомы — сущие пустяки, с которыми современная медицина справляется за пару дней.

— Рада слышать. А как же остальные? Что стало с Арто Фишером?

— Фишер, к глубокому сожалению, не успел покинуть опасную зону. Кончина была мгновенной.

Я выждала короткую паузу, удерживая его взгляд.

— Примите мои искренние соболезнования.

Он едва заметно наклонил голову, и его маленькие глазки опасно сузились.

— Но ведь Вас интересует не столько мое самочувствие, сколько подробности того, что происходило в те минуты, не так ли?

Я предпочла промолчать. Дедушка переводил хмурый взгляд с меня на Петро. Я до сих пор не посвящала его в детали того взрыва, равно как и в подробности проявления своей аномалии или связях с подпольной антиправительственной организацией.

Не дождавшись ответа, Петро шумно выдохнул через нос — этот звук отдаленно напоминал усмешку.

— О, те финальные часы Края. Поверьте моему опыту, большую часть того, что рассказывали выжившие, можно смело списывать на последствия тяжелейшего шока. Токсичные продукты горения, химикаты, попавшие в систему кондиционирования, паника — к моменту эвакуации добрая половина сотрудников пребывала в состоянии острого галлюцинаторного бреда. — Он поскреб массивный подбородок толстым пальцем. — Помнится, один из моих личных референтов с пеной у рта доказывал мне, будто видел в самом эпицентре взрыва девушку, которая одним лишь взглядом отдавала приказы элитным штурмовикам безопасности. И те подчинялись ей словно марионетки, полностью лишённые воли. Представляете? Абсолютная, неусветная дичь, рожденная затуманенным разумом.

Он коротко, пренебрежительно хохотнул.

— Да, действительно. Дичь какая-то, — эхом отозвалась я, удерживая безразличие на лице.

— Разумеется, — его глаза вновь встретились с моими, и на какую-то долю секунды в их глубине вспыхнуло отчетливое понимание. Он знал, кто я. Он помнил все. Но тут же эта вспышка угасла, сменившись привычной мутной безразличностью. — Человеческое сознание способно конструировать любые иллюзии, когда сталкивается со смертельной угрозой. Я бы не стал придавать этим бредням никакого значения.

— Разумеется, — согласилась я.

Дедушка демонстративно прочистил горло, прерывая наш разговор.

— Даряна, у нас с коллегами остались некоторые незавершенные вопросы. Будь добра, подожди меня в гостиной. Вон та дверь, в глубине. Я присоединюсь к тебе, как только мы закончим.

Он едва заметно повел подбородком в сторону узкой створки, наполовину скрытой массивным дубовым шкафом. Я молча кивнула, стараясь не смотреть на Петро, в чьих заплывших глазках все еще сияло торжествующее, сытое знание.

Дверь в гостиную отворилась с едва слышным вздохом и впустила меня в небольшое, наглухо отрезанное от других комнат пространство.

Это была темная гостиная со слишком низкими, обволакивающими креслами, тяжелым бархатным диваном и глубоким камином, в темном чреве которого застыла зола. Окна здесь были занавешены плотными шторами цвета вишни.

Стоило мне переступить порог, как замок за моей спиной мягко защелкнулся, оставляя меня в полумраке.

Какое-то время я просто стояла посреди комнаты, прислушиваясь к тишине. Тревога уже поселилась в груди. Эрих точно что-то помнил. Помнил и собирался использовать это против меня?

Шаг за шагом, стараясь не шуметь, я приблизилась к деревянной панели двери и осторожно прижалась ухом к поверхности. Звукоизоляция в цитадели Совета была безупречной, когда речь шла о чужих, но тут старое дерево отлично пропускало голоса извне.

— ..недопустимо обсуждать подобные вещи в ее присутствии, — долетел до меня приглушенный голос деда.

— Она ведь ваша внучка, господин председатель, — отозвался Курагин, в его гладких интонациях проскользнула змеиная лесь. — Полагаю, кровные узы дают ей определенный кредит доверия. Нет?

— Моя внучка — это прежде всего сложность. Сложность, которую я намерен на данном этапе тщательно и единолично контролировать. Мы слишком мало знакомы, чтобы я позволял себе роскошь слепого доверия. В нашем положении осторожность — единственный залог дальнейшего доверия.

Наступила пауза. Затем раздался утробный рокот Эриха Петро:

— Возвращаясь к трансляции в 3:33. Вы абсолютно уверены, что этот временной маркер сработает без осечек?

— Я опираюсь на сухие цифры аналитики, Эрих. Именно в этот час человеческий страх, подстегнутый нашими излучателями, достигает своего абсолютного пика. То, что мы предложим им в этот момент, не имеет значения с точки зрения искусства. Это может быть зрелище, суррогат драмы, отвлекающий маневр, любая вымышленная история, за которую измученный разум ухватится как за спасительный круг. Главное — не дать им сорваться в неуправляемый шторм внутреннего психоза. Мы даем им картинку, на которую они будут смотреть, не мор-

гая. Они перестанут думать. Перестанут задавать лишние вопросы. Они будут просто сидеть в своих темных жилищах и позволять нашей программе по капле заливать их сознание нужными нам установками. Так надо, господа. Никому от этого хуже не станет. Наоборот.

— А какова будет концепция самого контента? — подал голос Курагин.

Тон дедушки стал еще более отстраненным:

— Дьявольский час требует соответствующего наполнения, господа. Нам нужно то, что с первой секунды затягивает зрителя и держит до финальных титров. Гибкая структура, которую можно в любой момент перезапустить, переосмыслить и переработать под новые нужды.

— Вопрос лишь в том, какую именно форму обретет этот продукт, — задумчиво протянул Петро. — Интерактивное игровое шоу? Жесткая социальная драма? Или, может, документальная хроника зачисток во внешних кругах?

— Начните с самой природы этого ночного ужаса, — напутствовал их голос дедушки. — Выстройте всю медийную архитектуру вокруг ощущения неизбежности, чтобы сама трансляция казалась такой же неотвратимой, как подступающий к сердцу страх. Человек должен просыпаться в три тридцать три от собственного крика и обнаруживать, что экран его терминала уже светится в темноте. Что он уже показывает ему ровно то, что успокоит и перенаправит его внимание.

— А что насчет финансирования? — спросил Курагин.

— Этот вопрос уже закрыт. Средства обеспечены в полном объеме.

Я медленно отпрянула от двери, чувствуя, как холодеет лицо. Они строили что-то новое, гораздо более страшное, чем прежняя «Кадота». Это была изощренная, уже просчитанная ловушка, расставленная для миллионов людей в моменты их наивысшей уязвимости, когда они, обливаясь холодным потом, задыхались от паники в своих постелях от неизвестно чего. И эта бездушная машина контроля цинично именовала себя «развлечением».

Я подошла к окну и осторожно отодвинула тяжелую вишневую штору. Далеко внизу, под слоем столетнего смога, лежал Ведаград — чудовищный ступенчатый амфитеатр, где круги нищеты и роскоши были разделены глухими бетонными стенами, отгораживающими сытых от больных, а выживших — от тех, кого система уже списала в утиль. И хозяева этой башни искренне верили, что находятся в абсолютной безопасности на своих высотах.

Прошло еще около десяти минут, прежде чем за дверью послышались финальные аккорды их встречи: прощальный говор, шаркающие шаги, и мягкий, глухой щелчок двери. Наступила тишина.

Затем до меня донесся характерный скрип дедушкиного кожаного кресла, и размеренный, тяжелый стук туфель по паркету. Дверь в гостиную плавно отворилась, и дедушка застыл на пороге, его силуэт четко обрисовался на фоне багрового света настольной лампы.

— Даряна, выходи, — негромко позвал он. — Чай еще не успел остыть.

Я вернулась в кабинет. Кожаные кресла, в которых только что сидели Курагин и Петро, все еще были слегка отодвинуты от стола, и их глубокие подушки хранили смутные, остывающие контуры тел. Дедушка коротким жестом указал мне на одно из них, а сам неторопливо опустил на свое привычное место. Его длинные, усеянные пигментными пятнами пальцы уверенно взяли серебряный чайник, и тонкая струйка темной жидкости полилась в фарфоровые чашки, красиво расписанные синими цветами — древней, явно ручной работой, уцелевшей в каком-то частном архиве.

Он аккуратно пододвинул чашку ко мне по лакированной поверхности стола.

— У тебя ко мне какой-то разговор, — констатировал он, заранее уловив мой настрой.

Я обхватила ладонями тонкие края фарфора. Нагретая чашка приятно согрела кожу.

— Да. Я хочу вступить в Службу Очищения Фонда.

Дедушка никак не отреагировал и не выказал ни малейшего удивления. Он неторопливо поднес свою чашку к губам, слегка подул на темную зеркальную поверхность чая, сделал один медленный глоток и лишь после этого посмотрел на меня поверх тяжелой черепаховой оправы очков.

— Твои документы уже проходили через аналитический отдел распределения башни, Даряна. Ты не подходишь СОФ.

— Я знаю, — я заставила себя встретить его ледяной взгляд. — Но я хочу, чтобы ты лично отменил это решение.

Раздался мягкий звон — дедушка поставил чашку на блюдце.

— Отменил? Только потому, что твой дедушка занимает кресло председателя Совета безопасности, и ты решила, что это дает тебе право требовать выполнения любых капризов?

— Нет, — я сжала зубы, чувствуя, как внутри закипает упрямство. — Потому что я полностью соответствую их требованиям. Мои физические показатели в норме, тесты на выносливость пройдены идеально, а психологическая оценка

— Твоя психологическая оценка, — с нажимом перебил он, — содержит жирный маркер о необходимости долгосрочного наблюдения за тобой. И ты прекрасно об этом осведомлена.

— Такие маркеры поставили каждому, кто вернулся с острова. В наших реалиях это формальность, которая ровным счетом ничего не значит.

Дедушка глубоко откинулся на спину кресла, медленно соединив кончики пальцев под подбородком. Малиновый свет лампы поймал грань его очков, на секунду превратив его глаза в две абсолютно пустые, серебряные льдинки.

— Жители этого города слишком хорошо знают твое лицо, Даряна. На протяжении долгих месяцев ты не сходила с уличных экранов во всех девяти кругах. «Кадота» превратила тебя в узнаваемый символ, в медийную фигуру, независимо от твоего собственного желания.

Если ты сейчас наденешь черную форму СОФ и выйдешь в составе патруля на улицы нижних уровней, тебя узнают в первую же смену. А это очень опасно. Я не могу этого допустить.

— А я не буду снимать шлем, — быстро ответила я.

Старик иронично приподнял одну седую бровь.

— Ты собираешься носить глухое забрало каждую секунду своего дежурства? Весь патруль, все время нахождения в казарме, во время изнурительных инструктажей?

— Если система этого потребует, я буду носить его не снимая.

Он помолчал, всматриваясь в меня с какой-то усталой жалостью, а затем медленно покачал головой.

— Ты слишком наивна и до конца не понимаешь, как устроена психология толпы. Шлем — это всего лишь кусок армированного пластика. Но люди внизу наблюдают за карателями куда внимательнее, чем тебе кажется. Они запоминают пластику движений, особенности осанки, даже форму рук и манеру держать оружие. Подразделения СОФ работают непосредственно во внешних кругах, где старые трансляции все еще крутятся в умах населения. Тебя вычислят. Это не вопрос вероятности, Даряна. Это исключительно вопрос времени. Представь, что будет, когда простой рабочий последнего круга узнает в своем карателе бывший символ надежды миллионов телезрителей? Абсурд.

Я промолчала, лишь сильнее вдавливая пальцы в горячий фарфор.

Дедушка долго всматривался в мое притихшее лицо, и в какой-то момент линия его губ едва заметно дрогнула. Он догадался.

— Ведь дело здесь далеко не в абстрактном желании послужить на благо Ведыграда, не так ли?

Я упорно молчала, разглядывая вишневые шторы на окнах, за которыми расстилалась ночь. Служить на благо этому мраку? Это суровый, темный город. И люди здесь такие же.

— В составе Службы Очищения Фонда находится кто-то конкретный, да? — дедушка откинулся на спинку кресла, заостря взгляд. — Кто-то, ради кого ты готова добровольно шагнуть в самый эпицентр безумия.

Моя челюсть судорожно сжалась, выдавая меня с головой.

— Да, — я заставила себя признаться в этом. — Мы были вместе в лагере ИСА. И в технополисе тоже. Мы прошли через весь этот кошмар вдвоем. И я не собираюсь бросать этого человека в СОФ.

— Ладвик Горак, — дедушка чинно произнес его официальное имя с некоторой иронией в застывшем взгляде. — Тот самый юноша с весьма неоднозначной, отягощенной биографией.

— Да. Именно он.

— И ты стремишься в СОФ исключительно для того, чтобы занять место в строю рядом с ним?

Я молча кивнула.

Старик шумно выдохнул через нос. Это был долгий, изнурительный вздох человека, несущего на плечах неподъемную тяжесть прожитых лет и чужих смертей.

— Подожди секунду.

Он повернулся к массивному столу и быстрыми, отработанными движениями ввел несколько команд на сенсорной панели, вмонтированной прямо в мореную древесину столешницы. Перед его глазами мгновенно поплыли бесконечные белые строки зашифрованных данных — они мелькали слишком быстро, чтобы я успела выхватить хотя бы одно слово. Я молча наблюдала за его профилем, за тем, как кровавый свет лампы подчеркивает каждую морщину вокруг его глаз, и как его тонкие губы едва заметно шевелятся, анализируя скрытую от меня информацию.

Спустя минуту он погасил экран и снова повернулся ко мне лицом.

— Служба Очищения Фонда — далеко не единственный и далеко не самый разумный вариант для тебя.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает подозрение.

— И что ты предлагаешь взамен?

— Существует другое ведомство, выполняющее смежные задачи. Оно близко сотрудничает с СОФ, но при этом не лезет в самое пекло и их руки никогда не бывают грязными. В кругах их по-разному называют, некоторые граждане даже путают их с СОФ. Но они выполняют совсем иные функции. Это отдельное подразделение. Их называют богоборцами.

Мне не нужно было объяснять, кто это такие. Я уже успела изучить некоторые сводки. Богоборцы всегда шли на шаг впереди СОФ. Они появлялись в жилых секторах первыми — без тяжелой брони, без глухих шлемов, дубинок и парализующих электрошокеров. Их отличительным знаком были лишь строгие гражданские пальто и неброские повязки на рукавах, а их главным и самым страшным оружием оставалось слово. И финальное слово всегда было за ними.

— Это они проводят предварительную фильтрацию, — вспомнила я строчки из городских сводок. — Они ведут допросы и единолично решают, кого из гражданских можно оставить в городе, а кого следует безвозвратно изолировать от общества?

— Верно. Это те люди, которые прекрасно понимают, что далеко не каждое ментальное отклонение можно исправить банальным изгнанием из города, — назидательным тоном поправил дед. — СОФ ломает человеческие кости, Даряна. Богоборцы же работают намного тоньше. И эти структуры действуют в неразрывной связке, всегда. Богоборец осуществляет ментальный анализ и выносит вердикт, СОФ — приводит его в исполнение на физическом уровне.

— Ты считаешь, я подхожу для этой роли?

— Я считаю, что в этой роли тебя будет практически невозможно идентифицировать. Богоборцы не носят канонической униформы, они лишены внешних знаков отличия. Они обучены сливаться с толпой, наблюдать из тени и действовать в составе малых мобильных групп, которые практически всегда прикреплены к конкретным штурмовым отрядам Службы Очищения Фонда. — Дедушка сделал многозначительную паузу, внимательно отслеживая мою реакцию. — Ты ведь так хочешь находиться поблизости от своего молодого человека? Так вот, аналитик-богоборец, прикрепленный к его штурмовой группе, будет видеть его лицом к лицу ежедневно, на каждом выезде.

Мое сердце пропустило удар и забилось с утроенной силой, но я приложила все усилия, чтобы сохранить лицо бесстрастным.

— В чем конкретно будут заключаться мои обязанности?

— Учиться. Наблюдать. Информировать. Первые несколько месяцев ты проведешь под контролем опытного наставника. Будешь осваивать методики ведения допросов, учиться мгновенно распознавать малейшую ложь, вычислять поведенческие триггеры и гасить панику среди населения без применения открытого насилия. После прохождения этого курса тебя официально прикрепят к боевому звену СОФ в качестве штатного специалиста по кризисному поведению. — Он смерил меня анализирующим взглядом и смягчил тон: — Не волнуйся, тебя всему там научат. Ты и не такое можешь. Там на острове Ты своими глазами видела, что первобытный ужас делает с толпой, как именно он ломает одних и закаляет других. — в его голосе впервые проскользнула мрачная гордость. — Могу поспорить, ты уже на интуитивном уровне умеешь читать человеческий взгляд, понимаешь, когда субъект готов броситься наутек, когда он собирается драться до последнего, а когда — окончательно рассыпается изнутри. Этот практический опыт стоит гораздо больше, чем вся та сухая теория, которую среднестатистический богоборец зубрит на протяжении первого месяца обучения.

Я погрузилась в тяжелое раздумье. СОФ олицетворял собой чистую, грубую силу. Они ловили, обезоруживали и карали виновных. Богоборцы были сделаны из совершенно иной материи — внешне почти незаметные, но несущие в себе куда более острую суть. Они анализировали, делали выводы и доносили их вердикт до СОФ. И если этот путь действительно давал мне легальный шанс быть рядом с Виком и удерживать его от падения в бездну этой жестокой системы

Я встретила выжидающий взгляд дедушки и кивнула.

— Если эта служба позволит мне оставаться в непосредственной близости от моих друзей из СОФ, тогда я согласна.

Он медленно, удовлетворенно кивнул и снова потянулся к своей серебряной чашке. Сделал короткий глоток горького настоя и плавно опустил ее на стол.

— Хорошо. Я подготовлю все необходимые распоряжения. Направление будет у тебя в течение суток.

— Так быстро? — я недоверчиво прищурилась. — Один твой звонок — и всё?

— Вот так быстро. Не забывай, ты моя внучка, Даряна. И как бы сильно мне ни хотелось запереть тебя в комфортных условиях на высших этажах ради твоей же безопасности, я прекрасно понимаю, что ты все равно найдешь способ сбежать. Поэтому я выбираю меньшее из зол: я пытаюсь сохранить тебе жизнь. У богборца в разы меньше шансов получить пулю в затылок в темном переулке или подхватить психический вирус, чем у рядового штурмовика СОФ.

От услышанного мне легче не стало. Наоборот, представив опасности, с которыми будет сталкиваться Вик на работе, мне захотелось самой запереть его на высших этажах и не выпускать никуда больше.

— Ты станешь богборцем, Даряна. И через месяц уже сможешь выйти на свою первую смену в город. Я проконтролирую, чтобы тебя всегда прикрепляли к одному и тому же боевому звену. К нужному тебе.

В глубине души у меня шевельнулось безумное, давно забытое желание — засмеяться или, поддавшись детскому порыву, броситься этому суровому старику на шею. Но лагерь ИСА и остров слишком прочно выжгли из меня эту глупость. Я давно усвоила одно неизблемое правило: демонстрировать свои истинные эмоции перед теми, кто удерживает в руках власть, — это непозволительная, смертельно опасная слабость. Поэтому я лишь сдержанно наклонила голову.

— Спасибо.

Дедушка кивнул, возвращаясь к своим мониторам:

— Пей свой чай, пока он окончательно не остыл.

Я посмотрела на дымящуюся чашку, затем снова перевела взгляд на дедушку. Чай выглядел безупречно — темный, насыщенный, с легким маслянистым отливом на поверхности. Но запах, который от него исходил, был резким, терпким, с горьковатыми травяными нотами, которые щипали ноздри.

— Я, пожалуй, воздержусь, — осторожно произнесла я, отодвигая чашку на пару сантиметров. — Чай слишком горчит.

Дедушка чуть приподнял бровь, разглядывая меня поверх очков с легким интересом. Затем уголки его губ дрогнули в слабой улыбке. Он поднял свою чашку, сделал короткий глоток, поморщился и без лишних церемоний вылил остатки темной жидкости в большое кашпо с раскидистым фикусом, стоявшее у окна.

— Наконец-то, — произнес он с облегчением, ставя пустую чашку обратно на блюдце. — Я ждал, когда ты это скажешь. Этот чай же невозможно пить.

Я моргнула, не веря своим ушам.

— Но ты же сам его хвалил

— Хвалю, потому что так надо, — он поправил очки. — Подавать гостям обычный чай в этом кабинете считается дурным тоном. Все ждут чего-то особенного, экзотического. Вот я и держу для них это пойло с горькими травами. Но ты не гость. Ты — моя внучка.

— А я думала, тебе нравится этот чай

Дедушка тихо рассмеялся.

— Боже упаси. Я терпеть не могу эту горечь. Но привычка, знаешь ли Она сильнее.

Он нажал кнопку вызова на столе, и через несколько секунд в дверях кабинета возникла экономка. Дедушка взглянул на нее с заговорщицким выражением.

— Клара, будьте так добры, принесите нам абсент. И два бокала. Будем отмечать новое назначение моей внучки.

Экономка молча кивнула и исчезла за дверью. Я проводила ее взглядом, затем перевела глаза на дедушку.

— Абсент? Разве ты не пьешь его только раз в неделю, по вечерам?

— Исключения, Даряна, бывают даже в моем возрасте. Особенно когда есть что праздновать. Ты сделала выбор, который достоин уважения. Богоборец — это не просто должность. Это призвание.

Клара вернулась почти мгновенно, неся на серебряном подносе две высокие прозрачные рюмки, кувшинчик с зеленоватой жидкостью и небольшую вазочку с ледяной водой. Она бесшумно расставила все на столе и так же бесшумно удалилась.

Дедушка разлил абсент по рюмкам, затем, действуя с аккуратностью, плеснул в каждую по несколько капель ледяной воды. Жидкость в рюмках помутнела, приобретя молочный оттенок.

— За твое будущее, — сказал он, поднимая свою рюмку.

— За светлое будущее, — добавила я, неуверенно делая глоток.

Вкус был странным — резким, горьковатым, с легким анисовым послевкусием, но приятно обжигал, разливаясь по горлу.

Мы сидели в тишине, каждый занятый своими мыслями. Я вертела в пальцах тяжелый хрустальный бокал, разглядывая игру света в зеленоватой жидкости. Дедушка молчал, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Дедушка, — наконец решилась заговорить я. — Я хочу спросить тебя кое-что. Давно хотела.

Он слегка приподнял голову, и я поняла — он знал, о чем я собираюсь спросить.

— Почему никто из родителей никогда не рассказывал мне о тебе? Почему я узнала о твоём существовании только здесь, в Ведасграде? Все эти годы я думала, что у меня нет дедушки.

Он долго молчал, глядя в окно, туда, где за шторой угадывались смутные очертания ночного города.

— Потому что выбор моей дочери, твоей матери Елены, никогда не нравился мне. Она познакомилась с твоим отцом, когда тот работал под моим крылом. Рахим был талантливым молодым ученым, одним из лучших биологов в моем отделе. Я ценил его ум, его одержимость наукой, его преданность делу. Но он не подходил для моей дочери. Его происхождение, его связи, его опасные идеи Я был против их брака.

Я опустила взгляд на свою рюмку. Абсент уже потерял прозрачность, став мутно-зеленым, как вода в заводях, что я видела когда-то в тропиках. Зеленоватая жидкость медленно вращалась в хрустале, оставляя на стенках тонкие маслянистые разводы.

Дедушка проследил за моим взглядом. Его пальцы сомкнулись на ножке рюмки, и он поднял её, но не сделал глотка — просто подержал, словно взвешивая что-то.

— Ты хочешь знать, почему я так упорно сопротивлялся их браку?

— Хочу.

— Моя дочь была слишком молода, чтобы понять, что он за человек, — продолжил дедушка, переводя взгляд на старую фотографию в серебряной рамке, стоявшую на краю стола. Снимок выцвел, почти стерся, но силуэты двух женщин — одна в длинном платье, другая с младенцем на руках — еще можно было различить. — Он был гениальным ученым и вел свою игру втайне от всех. Даже от меня.

Он замолчал, и его взгляд стал рассеянным, устремленным куда-то в прошлое.

— И что ты сделал? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается чувство несправедливости.

— Я попытался их разлучить. Предложил Елене выбор: остаться в Ведасграде, под моей защитой, или уйти с этим человеком в изгнание. Елена выбрала его. Она отказалась от всего — от своего дома, своего статуса, своей семьи — ради него. И когда его сослали в пустынные земли за пределами столицы, она пошла за ним. — дедушка прищурился, его взгляд стал острее. — Я пробовал вернуть ее. Много раз. Отправлял людей, посылал письма, предлагал любую помощь, любое прощение. Она не отвечала. Она не хотела иметь со мной ничего общего. И, видимо, решила, что и ты не должна знать о существовании дедушки, который пытался разрушить ее семью.

Я молчала, обдумывая услышанное. В груди теснились противоречивые чувства — гнев, обида, непонимание.

— Но время, — продолжил дедушка, — всегда расставляет все по своим местам. Твоя мать вернулась в Ведасград. Она живет здесь, в своем родном городе, рядом со мной. Она все-таки вернулась домой, в ту жизнь, от которой когда-то сбежала. Как и было задумано изначально.

— Она вернулась, потому что..

— Да, апокалипсис вернул её, — тихо сказал он. — Но важно лишь то, что вернулась она сама. Сама попросилась домой. Сама пришла ко мне.

Я хотела возразить, сказать что-то в защиту отца, в защиту той жизни, которую они выбрали.

— А где сейчас Рахим? — задумчиво произнес дедушка. — Его нет. Как я и сказал: время все расставляет на свои места.

Я смотрела на дедушку — на его аккуратно зачесанные седые волосы, на очки в строгой оправе, — и чувствовала, что не доверяю ему. Ни единому его слову. Ни той усталой улыбке, которую он показывал мне, когда говорил о моей матери. Ни тому сожалению, которое он пытался изобразить.

Он явно держал маму под присмотром. Теперь, когда она вернулась в Ведасград, он контролировал каждый ее шаг, каждый вздох. Он дал ей жилье, безопасность, защиту — но за это он требовал ее подчинения. Требовал того, чтобы она была здесь, под контролем, в его мире, где он мог следить за ней. Как когда-то следил за ней и моим отцом. Как теперь будет следить за мной..

Он был опасным человеком. Я понимала это. Он был из тех, кто любой ценой добивается своей цели, даже если для этого нужно разрушать судьбы собственных детей. Возможно, именно поэтому мама сбежала от него в пустыню, в Зету, к отцу. Она знала, что он не остановится.

А мой папа Тот человек, которого я видела в технополисе — с пустым взглядом и таблетками, стирающими его память, — уже не был им. Он был лишь наполовину жив, призрак человека, который когда-то учил меня ходить и читал мне книги при свете керосиновой лампы.

Но если таблетки смогли стереть его воспоминания, то, возможно, существовал и способ их вернуть? Какая-то технология, препарат, процедура — что-то, что могло бы восстановить то, что было украдено у него. Я слышала о таких вещах, читала отчеты, которые Иржи показывал мне. Наверное, есть ученые, которые изучают память, которые нашли способы возвращать людям утраченное? Надо разузнать об этом. И я уже знала кого спросить об этом.

Мысль уже пустила корни в моей голове. Что, если папу еще можно вернуть? Что, если он не потерян навсегда? Что, если та его версия, которую я помнила, еще существует где-то глубоко внутри?

Поставив рюмку, я на секунду задержала пальцы на холодной грани, словно ища опору. А когда отпустила, то попала в оптический плен. Дедушка рассматривал меня в упор. Это был тот же самый взгляд — не изменившийся ни на микрон, — взгляд, которым он встретил меня

на пороге этого кабинета шесть недель назад. Он препарировал меня глазами, как лаборант препарирует лягушку, с абсолютной верой в то, что живое существо — это всего лишь набор реакций на раздражители.

Маска из стекла

Мия отыскала меня примерно через час, после того как я покинула залитый багровым светом кабинет семьдесят пятого этажа и спустилась на лифте в наши жилые сектора на тридцатом. Она нашла меня прямо у дверей моих апартаментов — стояла, небрежно прислонившись плечом к холодной стене, и лениво листала какие-то внутренние отчеты на тонком экране планшета.

— А ты изменилась, Ди, — произнесла она, неторопливо поднимая голову и впиваясь в меня своими пронизательными глазами.

— Интересно ты начинаешь разговор. И в какую же сторону я изменилась, интересно?

— В самую хорошую, дорогая. Такая уверенная, — Мия скользнула пальцем по экрану, гася терминал, и убрала его в глубокий карман своего черного пальто. — Значит ли это, что ваша семейная аудиенция завершилась успехом?

— Дедушка оформляет меня в ведомство Богоборцев.

Мия удивленно вскинула брови.

— К Богоборцам? Хм, Ди это ведь совсем не СОФ. Это другое крыло.

— Да, но это смежная структура, — пояснила я, чувствуя, как шаг за шагом привыкаю к этой мысли. — Меня официально прикрепят к одному из штурмовых отрядов Службы Очищения Фонда. Моей задачей будет ментальное сопровождение субъектов, оценка рисков и психологическая фильтрация гражданских лиц при зачистках.

— Что ж — Мия слегка склонила голову набок, внимательно сканируя мое лицо. — Если отбросить первую реакцию, это решение выглядит куда более дальновидным. У тебя будет в разы меньше шансов поймать шальную пулю от какого-нибудь обезумевшего сектанта в черных кварталах или, что гораздо хуже в тех стенах, подхватить местную заразу, которая плавит людям мозги.

— Дедушка высказался практически слово в слово.

На губах подруги промелькнула легкая, теплая усмешка — редкое, абсолютно искреннее проявление чувств, которое на мгновение сделало ее лицо более молодым, возвращая к образу той девчонки из лагеря, с которой мы делили крышу над головой еще до того, как весь наш мир окончательно разлетелся на куски.

— Да? В таком случае, этот тактический триумф определенно заслуживает того, чтобы быть отмеченным. Я знаю одно закрытое заведение здесь поблизости. Двадцать первый уровень. Бар под названием «Шарнир». Что скажешь, Ди?

— Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания устраивать сейчас празднования.

— А я считаю, что ты просто обязана это сделать, — Мия решительно перехватила меня под руку, не оставляя пространства для маневра, и увлекла обратно к лифтовым холлам. — Брось упрямыться, Ди. Ты сегодня выбила у этой системы то, что хотела. Пойдем. Буквально по одному бокалу. Если атмосфера покажется тебе паршивой — сразу же уйдешь, я не стану тебя удерживать.

Я не нашла в себе сил сопротивляться и позволила ей увести себя в нутро транспортной капсулы.

Бар «Шарнир» искусно прятался в самом глухом аппендиксе двадцать первого этажа, скрываясь за безликой серой дверью, которая ничем не отличалась от сотен соседних технических выходов. На ней не было ни вывески, ни окон, лишь крошечная, потемневшая от времени медная пластина у косяка. Когда-то на ней была выгравирована надпись, но металл так сильно затерся от чужих прикосновений, что буквы давно превратились в сплошные нечитаемые царапины.

Внутри холла, ведущего в главный зал бара, нас встретил приглушенный полумрак — здесь царил ночная темнота. Создавалось ощущение, что заведение уже закрыто, но Мия продолжала идти вперед, увлекая меня за собой. Воздух здесь был пропитанным ароматами алкоголя, полированного дерева и сладковатым дымом трубочного табака.

Мы наконец-то вошли в главный зал. Первая барная стойка у панорамных окон представляла собой монументальную, бесконечную плиту из темного, отшлифованного до зеркального блеска камня, на полках за которой ровными рядами поблескивали сотни стеклянных бутылок, преломляя редкие лучи света в глубокие янтарные и золотистые блики.

В зале было немногочленно — от силы человек десять, рассредоточенных по углам: кто-то тихо переговаривался за глубокими угловыми столиками, кто-то неподвижно замер у стен, сливаясь с тенями. Из скрытых динамиков струился тягучий джаз, в котором доминировали духовые инструменты и басовая партия, мягко обволакивая пространство.

Но стоило мне перевести взгляд на центральную барную стойку, как мои шаги произвольно замерли.

За камнем, уверенно управляя этим пространством, стоял Рэд.

Он выглядел совершенно иначе. Слово «изменился» было слишком блеклым, чтобы описать ту разительную, пугающую трансформацию, которая с ним произошла за эти полтора месяца. Тот хмурый, вечно настороженный и задавленный грузом прошлого файтер, которого я знала, исчез без следа. На его месте находился другой человек. На нем были широкие черные подтяжки, натянутые поверх ослепительно белой рубашки, рукава которой были небрежно закатаны до самых локтей, обнажая рельефные, перевитые жилами предплечья. Волосы соломенного оттенка стали заметно длиннее и были небрежно зачесаны назад, а в самой его осанке появилась несвойственная ему прежде, театральная легкость — расслабленный разворот плеч и дерзкая, блуждающая полуулыбка в уголках губ.

Рэда будто подменили.

В этот момент он плавным, отработанным до автоматизма движением разливал какой-то прозрачный ликер из высокой бутылки в хрустальный бокал. Прямо перед ним на высоком табурете сидела спиной к залу какая-то девушка, закинув голову назад так, что ее волосы светлой волной рассыпались по спине. Рэд уверенно придерживал ее за плечо одной рукой, а затем, приподняв бутылку повыше, пустил тонкую струю алкоголя прямо в ее приоткрытый рот.

Девушка довольно сглотнула жидкость, заходясь тихим смехом. Рэд опустил бутылку на камень, плавно наклонился вперед через стойку, перехватил ее пальцами за затылок и притянул к себе, впиваясь в ее губы глубоким, откровенным поцелуем.

Меня будто холодной волной оттолкнуло назад. Это был долгий, хищный и демонстративный поцелуй на публику, от которого мне следовало немедленно отвернуться, но я продолжала стоять на месте, не в силах отвести взгляд.

Внутри живота что-то болезненно заныло. Возможно, отголоски давно забытого прошлого. Давно забытых чувств, которых я уже не испытывала к этому человеку. Но сейчас почему-то мне было больно. И боль эта была странной. Абсурдной. Но явственной.

Этот же мужчина не имел ничего общего с тем Рэдом, которого помнила моя память. Тот, прежний, всегда оставался закрытым на все замки, стискивал свои чувства в кулак так крепко, что им не оставалось места для проявления. Даже когда мы были очень близки с ним. Рэд никогда не открывался мне полностью. И я уважала это. А этот мужчина, чьи руки сейчас блуждали по телу красивой блондинки, казался мне безрассудным, пугающе открытым и нарочито фальшивым — словно он разыгрывал тщательно отрепетированный спектакль для невидимой, но требовательной аудитории.

Блондинка наконец отстранилась от него, продолжая хихикать, и в эту самую секунду блуждающий взгляд Рэда скользнул по полумраку зала и намертво зафиксировал меня у входа.

На его лице не проступило ни малейшего удивления, ни капли смущения, ни той вины, которую я подсознательно рассчитывала там увидеть. Он лишь слегка прищурился, сделал одно медленное, нарочитое движение веком, подмигнув мне, и едва заметно кивнул в сторону пустующего барного стула, стоявшего по правую руку от той самой блондинки.

Мои ноги сразу налились тяжестью, отказываясь делать даже шаг вперед.

— Господи, как это теперь развидеть? — Мия дернула меня за руку, и ее шепот прозвучал на удивление зло. — Ди, давай развернемся и найдем другое заведение. Пошли отсюда, немедленно.

Я не отрывала глаз от его силуэта. Рэд уже успел отвернуться, потянувшись к верхним полкам за очередной бутылкой, и его широкая, обтянутая подтяжками спина полностью скрыла от нас его лицо. Светловолосая девушка рядом лениво поправляла растрепавшиеся пряди, улыбаясь какому-то сообщению в своем телефоне.

— Нет, — твердо ответила я, сама не зная зачем. — Мы остаемся здесь.

— Ди, ты чего..

— Мы останемся здесь, Мия. Мне надоело бегать по этажам.

Она издала тяжелый, обреченный вздох — из тех, какими обычно сопровождают фатальные ошибки близких людей, но спорить больше не стала. Я решительно направилась к каменной плите стойки, удерживая ровный, размеренный шаг, и опустилась на прохладное кожаное сиденье прямо рядом с блондинкой. Мия с недовольным видом заняла соседний табурет с противоположной стороны, демонстративно скрестив руки на груди.

Рэд развернулся к нам, удерживая в каждой руке по тяжелой бутылке тёмного стекла. Его взгляд скользнул по мне, не зацепившись; лишь едва заметно приподнялись брови, отмечая наше присутствие.

— Вот это сюрприз. А я думал, уйдёте, — произнёс он, и я отметила, что даже его голос стал другим: легче, податливее, в нём появились игривые интонации. — Резиденты высших этажей почтили нас своим визитом. Что прикажете налить, дамы?

Мия скривилась, дернув губой. Преображенный Рэд ей явно не нравился.

— Джин. Двойную порцию. И я надеюсь, мы обойдёмся обычной подачей? Или ты со всеми посетителями бара сосёшься здесь за чаевые?

Рэд и бровью не повёл. Легко, точно фокусник, он выставил перед ней стакан, плеснул джин, и прозрачная жидкость качнулась у самого края — ровно вдвое щедрее, чем полагалось. Завершающим жестом он развернул стакан к Мие, словно пододвигал пешку на доске.

— Только по обоюдному желанию, — прокомментировал он. В его тоне, бархатном и ровном, пряталась колкая усмешка, адресованная не столько её словам, сколько её попытке казаться язвительной.

Мия сдавленно хмыкнула.

— Если что, у меня его нет.

Рэд посмотрел на неё прямо — без вызова, без тепла, просто остановил взгляд и держал его. И странное дело: Мия, всегда неуязвимая, всегда острая, заерзала на стуле. Я уловила её незаметный откат корпуса назад — никто и никогда не заставлял её нервничать, а он заставил одной лишь паузой.

— Не переживай, — отозвался Рэд наконец и отвернулся к бутылкам. — У меня оно тоже отсутствует.

Я не успела даже взглянуть на Мию, как Рэд уже неспешно развернулся обратно — но на этот раз его взгляд упёрся в меня. И всё вокруг будто приостановило ход.

В глазах мужчины не было ни тени прошлого, ни отблеска тех общих рассветов, когда мы, вымазанные грязью, выползали из леса после очередной переделки. Но страшнее пустоты было другое: в них не оказалось прежней боли. Совсем. Словно кто-то вырезал её скальпелем, не оставив шрама, словно всё, что между нами было, обнулилось и отправилось в архив с

пометкой «больше неактуально». Я смотрела в эти глаза — карие, цепкие, чужие, — и поняла, что прежнего Рэда уже не существует.

Я отвела взгляд. Просто опустила его вниз, на стойку.

— Мне сок, — произнесла я, глядя прямо перед собой.

— ..Сок? — он повторил это слово так, словно я озвучила нечто нелепое.

— Апельсиновый, если можно.

— Можно.

Рэд замер. Странно, неестественно замер — рука на полпути к бутылке, корпус слегка развёрнут, а взгляд всё ещё на мне.

И тут Мия — громко, специально — заговорила со мной:

— Ди, ты помнишь, во сколько завтра завтрак? Марта сказала, что перенесли на час раньше, я хочу сверить..

Она тараторила, щебетала, заслоняла меня словами, как живым щитом, и я послушно повернулась к ней, хватаясь за этот разговор. Рэд ещё секунду помедлил, словно нехотя, и наконец отвёл глаза — ушёл за стойку, к холодильнику.

В этот момент девушка, сидевшая рядом со мной, та самая блондинка, неторопливо повернула голову. Она посмотрела на меня долгим, любопытным взглядом и улыбнулась — крошечной улыбкой, будто мы были связаны одним общим секретом, о деталях которого знала только она одна.

Я намеренно отвернулась к Мии.

Вскоре Рэд вернулся с бокалом.

— Порция сока для утончённой дамы с красивыми глазами, — проговорил он. Он не поставил бокал на стойку. Протянул его мне. Мои пальцы осторожно сомкнулись на стекле, и в этот миг наши пальцы соприкоснулись — кожа к коже, случайно и неизбежно.

Рэд замер.

Я вскинула глаза. Его лицо находилось совсем близко, и на одно короткое, ускользающее мгновение сквозь его новую личность проступил прежний человек. Тот самый командир файтеров, который с ледяной эффективностью вытаскивал нас из переделок, который закрывал меня своим телом в чаще от бездумцев, и который однажды поцеловал меня посреди ночной реки, чтобы на следующее утро сделать вид, будто между нами никогда ничего не происходило.

Но уже в следующую секунду он снова нацепил свою циничную усмешку, легко убрал руку, и это мгновение разбилось вдребезги — как стеклянная рюмка о пол. И мне показалось, что я даже услышала звон.

Я сделала глоток. Жидкость оказалась приторно-сладкой, ледяной и густой, она мгновенно обложила язык сахарным вкусом.

— Что же, Рэд, — Мия начала потягивать свой джин, и в голосе её прорезалась та особая, светская ядовитость, которую она приберегала для самых избранных, — карьера бармена в закрытом клубе — это теперь твоё новое призвание?

Мужчина взял со стойки чистое полотенце и принялся методично протирать стакан, совершая медленные, круговые движения.

— Отличный карьерный рост. Как по мне, здесь просто прекрасно, — ответил он, акцентируя последнее слово, и на мгновение перевёл взгляд на блондинку; по его лицу скользнула короткая усмешка, предназначенная не нам, а ей одной. — Мне здесь очень хорошо.

— Странный выбор. И вкус не страннее, — едко выговорила Мия, разбивая фразу на две колкие очереди.

— Мда? — Рэд вскинул бровь. — Уверен, патрулировать город сумасшедших и пачкать руки кровью в чёрных секторах тебе кажется менее странным и более перспективным.

Он оглядел бокал на просвет, лоя гранями световой блик, и аккуратно поставил его в ряд к остальным — точно солдата в строй.

— Здесь меньше шансов поймать лбом случайную пулю от психа, — продолжил он, потянувшись за следующим стаканом с той же плавной, отработанной пластикой. — Да и контингент, если честно, куда приятнее.

Девушка со светлыми волосами снова усмехнулась — тихо, но так, что в этом смешке слышалось знание, укрытое от посторонних глаз, — а затем лениво-кошачьим движением соскользнула со своего табурета. Слегка перегнулась через стойку, и Рэд чуть нагнулся ей навстречу, позволяя запечатлеть на своей щеке короткий поцелуй. Так обыденно, словно этот ритуал они совершали сотни раз до нас, словно этот жест принадлежал к их общей, давно устоявшейся жизни.

Блондинка неторопливо направилась к выходу из бара, даже не удостоив нас на прощание мимолётным взглядом.

Я неотрывно смотрела на то самое место на его скуле. Просто не могла оторваться. Я будто отказывалась верить — в реальность того, что только что увидела.

А Рэд никак не отреагировал на её уход. Его руки продолжали всё так же размеренно и вдумчиво полировать стекло тряпкой.

— Девушка твоя? — угрюмо спросила Мия, осушая бокал до дна и громко ставя его на стойку. — Хорошенькая. Эна знает?

— Она не моя девушка, — ответил он ровно, не поднимая глаз.

— Кто? Эна или эта блондинка?

Рэд лениво размял шею, вполоборота взглянув на Мию.

— Ещё джина?

Мия язвительно фыркнула в свой бокал:

— За твой счёт.

Он хмыкнул и подлил ей ещё джина. Затем ловко, в одно движение, отрезал дольку лимона и протянул её на самом острие ножа Мие.

— Я не хочу порезать язык, — процедила она, отшатнувшись на сантиметр.

Не говоря ни слова, Рэд снял дольку с ножа пальцами, и аккуратно протянул ей, зажимая сочную мякоть между большим и указательным. Сок брызнул, тонкой струйкой скатился по его запястью.

Мия была ошарашена. На мгновение она превратилась в статую — соляной столб. Затем едва слышно выругалась, залпом допила стакан и подалась вперёд, беря дольку губами из его пальцев. Тут же сморщилась от кислого вкуса, мотнула головой, прожевала.

— Ты хоть руки мыл? — буркнула она, утирая губы большим пальцем.

— Специально к твоему приходу не мыл неделю.

Лицо Рэда при этом оставалось каменным.

Мия молча скорчила гримасу, качая головой, и демонстративно отвернулась. Он же, оставив её переваривать и джин, и лимон, и собственное раздражение, неспешно двинулся ко мне и молча кивнул на мой пустой бокал. Вопросительно, без слов.

Я качнула головой.

Он уже хотел отвернуться, уже почти развернул корпус к своим делам, когда я тихо произнесла:

— Я рада, что тебе стало легче, Рэд.

Его руки мгновенно замерли. Стакан застыл в ладонях, наполовину обёрнутый белой тканью, поймав отблеск подвесной лампы, и этот отблеск дрогнул — дрогнул, потому что дрогнули пальцы, что держали его.

— ..Легче? — он опустил бокал, повернувшись в профиль. — Ты правда думаешь, что мне стало легче?

Я предпочла оставить этот вопрос без ответа. Просто молчала, глядя в стойку, туда, где лежала моя искажённая тень.

Рэд развернулся и стал пристально вглядываться в черты моего лица — точно так же, как делал это в дикой чаще острова, когда пытался просчитать: лгу я ему в глаза, говорю чистую правду или просто судорожно цепляюсь за возможность избежать серьёзного разговора с ним. Его взгляд сканировал меня, слой за слоем, и я чувствовала себя раздетой — нет, страшнее, чем раздетой: прозрачной перед ним.

— А как насчёт тебя самой? — неожиданно спросил он. — Тебе теперь легче, Ди?

Я подняла стакан и залпом допила остатки сока.

— Нет, — ответила я, глядя на пустое дно. — Но это вовсе не означает, что я хочу, чтобы наша история сложилась как-то иначе.

Мия рядом со мной заерзала, и её табурет протестующе скрипнул. Она явно чувствовала неподъёмную тяжесть напряжения в разговоре. Рэд удерживал взгляд на моем лице какое-то время, и я видела, как за циничной маской, за бархатными интонациями, за ленивой усмешкой что-то мучительно искало выход.

Но так и не нашло. Захлопнулось.

Он коротко кивнул головой и молча отвернулся, переключая внимание на нового клиента, подошедшего к противоположному краю стойки.

— Пойдём отсюда, — сказала я, поднимаясь с места.

Мия не стала спорить и молча двинулась следом. Я шла не оглядываясь. Шла, чувствуя, как спина деревенеет под тяжестью возможного взгляда, и мне казалось — нет, я знала — что он смотрит. Проверять это не было никакого желания. Никаких сил. Но отражение в панорамном окне у поворота в холл — смазанное, залитое желтоватым светом — подтвердило мою догадку.

Он смотрел.

Проверка доверия

Лифт увлекл нас вниз в абсолютном, давящем беззвучии. Жилые коридоры встретили нас пустотой, их потолочные панели уже переключились в экономичный ночной режим, источая серый свет. Никого из работников уже не было, мы с Мией были одни в холле нашего этажа.

— Ди, ты действительно в порядке? — не выдержала она, останавливаясь у поворота.

— Нет. Совсем не в порядке.

— Хочешь выговориться?

Я на мгновение задумалась, и перед моими глазами снова возникли руки Рэда в татуировках, его потяжелевший взгляд и то, с какой отстранённой интонацией он произнёс «она не моя девушка».

— Он спит с ней.

— Да, я тоже так думаю. Немудрено.

Я нахмурилась, переводя взгляд на подругу.

— Ты поняла, о ком я?

— Ясен свет! О Рэде и той блондинке, так?

Я кивнула, вспоминая вчерашний вечер.

— Я вчера видела их вместе.

Мия резко замерла на месте.

— Серьёзно? Где?

— В спа-зоне. На шезлонге. Они..

— Господи, не продолжай, прошу! Пожалей мои уши и богатое воображение.

Я слегка улыбнулась смешным изречениям подруги.

— Странно, что Эна ему до сих пор нагоняя не дала, да? — задумчиво протянула Мия, пока мы шли через стеклянный переход над зелёным садом внизу. — Рэд, конечно, сильно изменился. Мы вообще собираемся это обсудить?

— Изменился. Но я не знаю, что тут обсуждать.

— Ну, например, каким образом это вообще с ним произошло? Ничего тебя не удивляет в этой истории? Вечно угрюмый и закрытый мужик теперь вдруг превратился в такого разговорчивого павлина. Не, нарцисса.

— Так в павлина или в нарцисса? — с усталой улыбкой осведомилась я.

— Ди, не издевайся! Я, если что, не биолог. Птички, цветочки — это не ко мне. В общем, ты поняла меня.

Я усмехнулась, но в этот момент мы поравнялись с огромным экраном, транслирующим заставки из разных секторов башни. Нарезки из СГБ — СОФ-отряд в действии: серый камуфляж, вспышки, сосредоточенные лица за забралами. Я нахмурилась и машинально выудила телефон. Пусто. Ни одного нового знака.

— Что случилось? — Мия мгновенно уловила перемену в моём лице.

Я рассказала ей — о том, как мы с Виком отдаляемся, и о вчерашнем звонке, когда его трубку взяла какая-то девушка.

Выслушав, Мия хмыкнула:

— Может, Вику во время тренировки на одно место там наступили — вот и голос такой был?

— Мия, я серьёзно. Мне не до шуток сейчас.

— Ладно, не буду. Прости. И как Вик умудрился это прокомментировать?

— Сказал, что понятия не имеет, кто это был. Утверждал, что оставил телефон в шкафчике и был на тренинге всё это время.

— И ты поверила в эту чепуху?

— Я верю ему.

— Верила — не рассказывала бы мне сейчас всё это. Не права я?

Я ничего не ответила и упрямо пошла дальше по коридору. Мия тут же пристроилась рядом, подстраиваясь под мой быстрый шаг.

— Хорошо. Права. И мне стыдно признать это. Но я больше вообще не понимаю, чему в этом месте можно ещё верить. Ему я всё равно буду верить до конца. Но то, как он вчера уклончиво говорил об этом Нет, я просто становлюсь параноиком! Чем больше думаю об этом, тем больше накручиваю себя всякими домыслами.

Мия скользнула по мне странным взглядом, в котором смешались сочувствие и мрачное уважение.

— Если этот Горак действительно позволил себе что-то подобное если он хотя бы на секунду впустил эту мысль в свою голову, я клянусь тебе, Ди, я лично перережу ему одно место.

Я остановилась, холодно удерживая её взгляд.

— Не говори так о нем. Вик бы никогда так не поступил. Я просто переживаю, что там может крыться что-то другое.

— Послушай, Ди. Твой дед ведь снабдил тебя личным временным пропуском высшего уровня, так? Тем самым пластиком, который открывает любые замки и позволяет беспрепятственно перемещаться между всеми секторами башни?

— Не всеми. Только до этажа СГБ.

— Круто. Он ещё у тебя, надеюсь?

— Да, у меня. А что?

— А то, моя хорошая! Слышала одну мудрость: доверяй, но всегда проверяй. Почему бы тебе прямо сейчас не использовать эту карту по назначению? — Мия резко остановилась, заставляя меня сделать то же самое. — Где там у него тренинг? Сорок пятый? Так поднимись туда сама. Увидь его лично. Прямо сейчас, без всяких предварительных звонков и предупреждений. Всё на свои места и встанет.

— Это же чистое безумие, Мия! Меня там никто не ждёт. Я бы на месте Вика была не рада, что меня вот так вот проверяют.

— Ой ли? Ди, это называется элементарной проверкой фактов, — она равнодушно передрнула плечами. — Если он действительно чист перед тобой, ты убедишься в этом своими глазами и успокоишься. Ну а если нет — она намеренно не стала договаривать фразу, оставив финал повисшим в воздухе.

— Я не знаю..

— А что самого страшного может произойти? Ты просто узнаешь правду. Разве это не в сотню раз лучше, чем сидеть запертой в четырёх стенах, изводить себя догадками и медленно сходить с ума от неизвестности?

Я остановилась у порога собственной квартиры. Сенсорный замок на двери ровно мерцал в полумраке коридора, словно выжидающий змеиный глаз.

— Мне нужно подумать.

— Подумай, — Мия ободряюще сжала пальцами моё плечо, а затем развернулась и быстрыми шагами направилась в сторону своего крыла. — Расскажешь потом за завтраком, что надумала. Спокойной ночи, Ди!

— Спокойной ночи.

Я приложила ладонь к сенсору, дверь послушно скользнула в пазы, впуская меня внутрь апартаментов. В комнате царил всё тот же покой одиночества. Первым делом я выудила из кармана телефон, пальцем активировала экран и вчиталась в пустую строчку уведомлений. От Вика по-прежнему не было ни единого слова.

Я до крови закусила изнутри нижнюю губу, чувствуя, как внутри волной поднимается решимость сделать так, как посоветовала Мия.

Хватит.

Ванная встретила меня холодным светом сенсорных панелей и белизной кафеля. Я повернула вентиль, и сверху обрушилась вода — сперва ледяная, отрезвляющая, заставившая меня судорожно втянуть воздух сквозь зубы, затем теплая, обволакивающая. Я стояла, оперев ладони в стену, и думала, как лучше поступить. Вода текла по лицу, по плечам, по спине, забирая с собой косметику — тушь, тон, всё то, что ещё утром казалось бронёй, а теперь стекало в слив жалкими серыми разводами. Я закрыла глаза и позволила себе несколько минут полной тишины.

Выбралась из душевой кабины, замоталась в полотенце. Я долго смотрела на себя в зеркале. Смотрела так, словно ждала ответа от отражения.

И дождалась.

Босые ноги пронесли меня в гардеробную. Я сдёрнула с вешалки чёрные лосины — плотные, матовые, облегающие каждое движение. Затем серый топ, простой, без единой лишней детали. Сверху накинула черную куртку. Молния взвизгнула, застёгиваясь до самого горла. Я сунула ноги в кроссовки, зашнуровала туго, на двойной узел. Проверила карман — карта дедушки лежала там.

Я вышла из апартаментов прежде, чем успела передумать. Дверь за моей спиной закрылась с тихим, окончательным щелчком.

Магнитный замок лифта проглотил серебряную карту с едва слышным подобострастным кликом. Вся цифровая архитектура башни словно вытянулась в струнку передо мной, признавая абсолютную власть карты допуска председателя Совета безопасности, и послушно увлекла лифт вверх, к закрытым военизированным уровням. На сорок пятом этаже двери медленно разошлись. Здесь располагалось сердце Службы Очищения Фонда.

Я шла по бесконечным, облицованным матовой сталью коридорам, ожидая, что меня вот-вот остановит первый же автоматический кордон. Однако каждый раз, когда я подносила пластик к сканирующим панелям, они загорались покорным зеленым светом, разводя свои тяжелые створки. Мимо меня редкими группами проходили оперативники в полной боевой выкладке; из-за полупрозрачных витрин оружейных комнат поблескивали стволы штурмовых винтовок, а из вентиляционных шахт доносился мерный гул серверов. Весь этот уровень представлял собой монолитный, безупречно отлаженный военный механизм, в чреве которого человек казался лишь временной деталью.

Ориентируясь на раскатистый голос, разносившийся из глубины одного из переходов, я свернула в крыло первичного инструктажа новых агентов. Тяжелая дверь в дальнем конце коридора оказалась слегка приоткрыта — видимо, для лучшей циркуляции воздуха. Я скользнула в глубокую тень за массивной архитектурной колонной и замерла, получив отличный обзор через узкий проем.

Зал напоминал огромный, амфитеатральный лекторий, вырубленный прямо в бетонном основании башни. На ярусах в строгом порядке расположились около сорока рекрутов, облаченных в одинаковую темно-серую тренировочную форму. Несмотря на внушительную толпу, я сразу отыскала Вика в ту же секунду, словно мое зрение было настроено исключительно на его местонахождение. Он сидел на самом последнем, уединенном ряду, намеренно отстранившись от остальных кандидатов. Закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, Вик слегка откинул голову назад. На его лице застыло выражение глубокого скепсиса, с которым он ловил каждое слово стоявшего у трибуны наставника.

— Поздравляю, господа, — чеканил лектор, мужчина средних лет с орлиным профилем. — С этого момента ваши прежние идентификационные татуировки и криминальные коды полностью аннулируются! Система стирает ваше прошлое, как несуществующий эпизод из прошлой жизни.

В первом ряду поднял руку один из рекрутов, в чьем голосе проскользнула дерзость, когда он задал вопрос:

— То есть, все наши прошлые преступления и дефекты автоматически стираются, стоит нам только стать частью контролирующей системы?

Наставник одарил его коротким, вымораживающим взглядом и сухо ответил:

— Это единственная логика, которая пришла Вам на ум? Можете не отвечать. Вопросы здесь задаю только я.

Он прошелся вдоль огромного экрана, на котором вспыхнул официальный герб ведомства — идеальный круг, безжалостно перечеркнутый ДНК чертой.

— Запомните этот символ. Это знак отсеечения дефекта. Наша главная заповедь проста и незыблема: «Чистота — это порядок». Раньше наше подразделение носило иные названия, но теперь мы — Служба Очищения Фонда. СОФ. Наша прямая обязанность — тотальная зачистка человеческого генофонда от любых проявлений ментальной и поведенческой гнили. Мы работаем исключительно в ночное время. Когда город погружается в ещё большую темноту, наши белые фуры выходят на патрулирование.

Я опустила взгляд на поясной ремень Вика и заметила прикрепленный к нему компактный дыхательный фильтр — точно такие же висели у каждого присутствующего в зале. Они брезговали этим городом настолько, что даже не желали соприкоснуться с его отравленным воздухом напрямую. Вероятно, их только учили пользоваться такими вещами. Ведь первый выход в город запланирован у них только через неделю.

— Все граждане Ведасграда обязаны соблюдать три фундаментальных правила, — голос инструктора разносился под сводами зала. — И мы здесь для того, чтобы контролировать этот

триумвират порядка. Первое — беспрекословное подчинение каждой строке Серого Кодекса, который вы вызубрите от корки до корки. Второе — обязательный двухчасовой просмотр вечерних телевизионных трансляций перед сном для каждого жителя без исключения. И третье абсолютный запрет на выход из жилых ячеек в ночное время.

— Но почему ночные улицы так жестко патрулируются? — снова подал голос тот же любопытный рекрут.

Инструктор резко остановился, и в его глазах вспыхнуло раздражение:

— В этот раз я отвечу. Но запомни на всю оставшуюся службу: оперативник СОФ не имеет права на вопросы. Твоя задача — исполнять приказы, а не искать первопричины. Понял меня?

Новобранец поспешно кивнул.

— Выход из дома ночью — это гарантированная смерть, — более спокойно продолжил лектор. — В темноте на улицы выползают неуправляемые психопаты с критическим уровнем ментальных расстройств. Те, кого вирус страха выжиг до самого основания.

— Но кто вообще позволяет им разгуливать по городу? — не унимался парень.

— За этот вопрос, — тихо, но угрожающе произнес мужчина, — тебе могут отрубить голову прямо в зале Совета. И мне вместе с тобой. Настоятельно рекомендую включить голову и померить свое любопытство, если хочешь дожить до первого патруля. Все, что вам положено знать: субъекты, пораженные глубоким психозом, панически боятся света. Свет — единственное, что удерживает их от того, чтобы устроить кровавый хаос при дневном свете столицы. Ваша миссия — находить этих тварей под покровом ночи во внешних кругах и ликвидировать. Любой ценой. Из-за мутаций они обладают колоссальной физической силой, именно поэтому в ряды СОФ отбирают только лучших бойцов.

— Они действительно настолько опасны? — прошептал кто-то из средних рядов.

— Представь себе человекоподобное существо, в чьем мозгу осталась всего одна единственная, пульсирующая мысль — убивать всё, что движется. Этого уровня опасности тебе достаточно?

Инструктор вернулся к экрану, переводя схему на режим работы координаторов:

— Во время комендантского часа за каждым сектором следят Наблюдатели через скрытые камеры в телевизионных панелях граждан. Наши ночные патрули перемещаются по улицам в специальных наушниках, защищенных от воздействия башен вещания. Если Наблюдатель фиксирует нарушение и передает в эфир Код — например, Код 101, означающий отказ от просмотра обязательной трансляции, или Код 202, сигнализирующий об антиправительственных разговорах, — дежурный экипаж СОФ немедленно выезжает по указанному адресу. Вы стучите в дверь. Если вам не открывают в течение минуты, вы выбиваете шлюз и приводите в исполнение ту директиву, которую продиктует голос в ваших наушниках. На этом вводный инструктаж окончен. Всем разойтись по тренировочным блокам!

Раздался резкий, оглушительный сигнал, и рекруты начали дружно подниматься со своих мест. Я поспешно отпрянула от двери и скользнула по коридору чуть дальше, прячась в глубокой нише между декоративными панелями, чтобы перехватить Вика на выходе.

Мимо меня неспешно потянулись будущие силовики. В этой веренице одинаковых лиц я внезапно наткнулась на тяжелый, оценивающий взгляд. Прямо на меня смотрела девушка с коротко стриженными чёрными волосами — каре, открывающее точеную шею и острые скулы. Резкие карие глаза впелись в меня без тени дружелюбия. Она была стройной, даже жилистой, с той поджарой грацией, какую дают годы тренировок, и двигалась легко, пружинисто — но мой взгляд против воли зацепился за несоответствие. У неё была большая грудь — вызывающе большая для такого тренированного тела.

Я невольно отметила это с отстранённым любопытством: как такую вообще взяли в СОФ? С такой-то тяжестью спереди любой норматив превращается в пытку, а любой бег с полосой препятствий — в испытание гравитацией. Впрочем, мужская половина отряда наверняка пожирала её взглядом в тренировочном зале, забывая про штанги и любые нормативы.

Незнакомка поймала мой взгляд, и её ноздри едва заметно дрогнули, словно она учуяла во мне не просто чужачку, а потенциальную угрозу. Мы разминулись, не сказав ни слова.

— Нина, не отставай, нам еще снаряжение сдавать! — какой-то голос из толпы окликнул ту девушку.

Внутри все похолодело.

Нина? Неужели та самая Нина, что накануне ответила на мой звонок вместо Вика?

Я стояла, пригвождённая к месту, и прокручивала в голове её взгляд, который теперь вовсе не походил на случайный или безлично-любопытный. В её глазах точно промелькнуло узнавание. Но откуда? Я видела её впервые в жизни. Либо Вик показывал ей мои снимки — что просто невозможно, либо она сама перерыла его личные файлы и выудила лицо, которое следовало ненавидеть заочно.

Ревность и усталость сплелись воедино. Я попробовала сосредоточиться на других лицах, но мысли не отпустили.

Наконец створки дверей разошлись и появился Вик. Он шагал стремительно и широко, глядя строго перед собой — не вправо, не влево, — и даже отдалённо не походил на человека, который кого-либо высматривает. Всё в точности как он и утверждал: ему нет дела до чужих лиц. Ещё мгновение, и он проскочил бы мимо меня, даже не заметив.

Я оттолкнулась от стены и шагнула навстречу. Он вскинул взгляд и остановился так резко, словно налетел на невидимую преграду. На его лице отразился искренний ступор пополам с недоумением. Он не ожидал увидеть меня здесь, на закрытом этаже, без единого предупреждения.

Пауза продлилась не дольше двух сердечных толчков. Вик сощурился, быстро сократил расстояние между нами, жёстко перехватил меня за локоть и потащил за собой — молча, не давая ни вырваться, ни опомниться. В его пальцах, сжавших мою руку чуть выше сгиба, не

было ни нежности, ни попытки дать мне оправдаться, одна лишь железная хватка человека, который привык решать проблемы быстро и без свидетелей.

Мы пронеслись по длинному переходу, миновали двойные двери и влетели в просторное помещение раздевалки. Ряды железных шкафчиков уходили в полумрак, а где-то в дальнем углу монотонно и размеренно капала вода из неплотно закрученного крана.

Вик резко развернулся ко мне. Его грудь тяжело вздымалась под серой тренировочной курткой, а в глазах полыхало недовольство.

— Что ты здесь делаешь?! — он обвел меня взглядом, каждое слово выходило из него медленно, с нажимом. — Как ты вообще сюда прорвалась? Это закрытый уровень, сюда гражданским ход заказан!

— Мой дедушка щедр на пропуска, — спокойно ответила я, стараясь, чтобы его тон не оцарапал меня. — Ты не дружишь с телефоном. Вот я и решила навестить тебя. Лично посмотреть на то место, где ты пропадаешь днями и ночами.

— Посмотреть? — Вик подался вперед, и его корпус, сделавшийся за последние недели еще более рельефным, отрезал меня от света. — Ди, ты хоть понимаешь, как ты рискуешь? Если бы тебя засек внутренний патруль до того, как ты предъявила карту, тебя бы бросили в изолятор без выяснения личности!

— Не засекли ведь. Всё хорошо. — я мрачно усмехнулась, обхватывая себя руками за локти. — Да и какая разница? Меня выпустили бы из этого изолятора раньше, чем ты спустился бы отсюда. Ты пропадаешь здесь уже целыми днями.

— Я пропадаю на подготовке, Ди! Нас тут наизнанку выворачивают! — перебил он, вскидывая руки. — Нас ломают, дрессируют, заставляют зубрить устав и тренироваться до мутной пелены перед глазами! Ты думаешь, я тут штаны просиживаю и от тебя прячусь? Я пытаюсь закрепиться в СОФ, чтобы у нас был хоть какой-то легальный статус в этой чертовой системе! Мне ясно дали понять в наши первые дни здесь, что выбора у меня особо нет. Либо я прохожу этот рубеж, либо меня вышвыривают нахрен из этой башни!

— Правда? — я сделала шаг вплотную к нему, заглядывая в самые зрачки, почерневшие от усталости и напряжения. — Я не знала Ты ничего не говорил мне об этих условиях.

Вик нахмурился, прикрывая глаза.

— Я никогда не стану грузить тебя своими проблемами. Ты не должна о них думать.

— Но я бы хотела знать о них, думать о них, Вик. После всего, через что мы прошли вместе, я думала — мы можем доверять друг другу всё.

— Ты всегда будешь теперь напоминать о том, что у нас за плечами?

— А тебе что-то не нравится? Хочешь забыть это?

— Ди, мы сейчас разговариваем на эмоциях. Если не остановимся, то разругаемся вдрызг.

— Так остановись первым. Сам убери свои эмоции. Так сложно?

— Господи! Всё. Я сейчас пойду в зал. А ты пойдешь домой. Тебе нужно проспать. Пойдем, я тебя провожу.

Вик берет меня за локоть, но я вырываю руку, отступая на полшага назад.

— Проспать мне надо, да? А сам сейчас в зал пар спускать?? Видела я, какие у тебя там рельефы перед глазами маячат! Пар лучше спускается от этого?

Вик моргнул, его брови сошлись над переносицей.

— Сейчас это о чем было?

— О том самом! Видела я твоих напарниц. Особенно одна меня чуть глазами не испепелила. Я-то думала, с чего бы. А потом услышала, как к ней обращаются. Нина, да? Ничего себе у тебя напарница. Повезло тебе. Поэтому днями и ночами тренируешься, да?

— Ты сейчас серьезно? — его голос опустился до опасного, ледяного спокойствия. — Ты примчалась сюда, рискуя собой, только потому, что твоя ревность нарисовала тебе какую-то картинку?

— Я пришла сюда, потому что волнуюсь за тебя! — выплеснула я, почти не слыша себя. — Ты отдаляешься, ты вырастаешь в эту бездушную машину, которая перемальвает людей!

Вик выдохнул сквозь стиснутые зубы, сделал стремительный шаг вперед и, прежде чем я успела отшатнуться, сгреб мои запястья в свою ладонь. Он не причинил мне боли, но полностью лишил возможности двигаться, впечатав меня спиной в стену.

— Посмотри на меня, — проговорил он отдельно и властно, приблизив свое лицо вплотную. Я почувствовала его сбитое дыхание на своих губах. — Посмотри мне в глаза, Ди. Вот так. А теперь ответь. Ты действительно веришь, что я способен тебя предать?

Я слотнула, упираясь ладонями в его грудную клетку. Мое упрямство разбивалось о его спокойную уверенность, и это злило еще больше, заставляя признать собственную глупость и эту постыдную уязвимость перед ним.

— Нет — тихо выдохнула я. — Прости. Я просто больше ничего не знаю. Вокруг слишком много изменений и лжи.

Вик молча всматривался в мое лицо, и его ярость по капле уходила, сменяясь какой-то глубокой, болезненной нежностью. Он медленно отпустил мои руки, но не спешил ещё отступать от меня.

— Сон отменяется. Нам обоим нужно выпустить этот пар, — произнес он вполголоса, бросив взгляд за плечо. — Здесь, за стеной, есть отличный спортивный зал. Сейчас время

пересменки, там никого не будет ближайшие часы. Раз уж ты здесь, давай позанимаемся вместе. Вспомним, чему нас учили. Идет?

Я коротко кивнула. Мне это было физически необходимо — как глоток воздуха, чтобы не дать этому разговору окончательно смять меня.

Спортзал оказался огромным, залитым приглушённым, точно подводным, светом. Мы начали с молчаливого, синхронного разогрева. Двигались без слов, на автомате, методично разогревая мышцы, уходя в глубокие выпады, разминая кисти. Каждое движение, каждый наклон отзывались в теле привычной мышечной памятью — мы изучили физику друг друга до мельчайших нюансов ещё во время лагерных тренировок.

Вик бросил к моим ногам боксёрские перчатки. Я вопросительно подняла взгляд и сказала, что драться с ним не собираюсь. Он качнул головой и уже развернулся к дальним тренажёрам, когда я поспешно подхватила одну перчатку и, не целясь, запустила ему чуть ниже пояса. Вик замер. Медленно обернулся, и в уголках его губ проступила мрачная усмешка. Мы двинулись к матам.

— Готова? — он вышел в центр, принимая классическую оборонительную стойку. Защитных щитков на нём не было, только черная футболка и свободные брюки.

— Всегда готова, — отозвалась я, пружиня на носках.

Я атаковала первой — резко, агрессивно, без предварительных финтов. Мой правый прямой пошёл точно в челюсть. Вик ушёл корпусом влево, но я тут же перегруппировалась и хлестнула левой в область груди. Он принял удар на широкое предплечье, глухо выдохнув.

Я наступала, вкладывая в каждый выпад всю скопившуюся за дни одиночества обиду. Мои удары были быстрыми, жёсткими, летящими на поражение. Вик двигался иначе — плавно гасил мою инерцию, уходил с линии атаки и лишь обозначал контратаки, оберегая меня от своих кулаков.

— Ты уходишь от ударов! — выдохнула я, проведя стремительную серию в корпус. — Не жалею меня! Давай!

— Сильно обидишься, если скажу, что не жалею? — бросил он, перехватывая мой очередной выпад и резко разворачивая меня спиной к себе. — Ты дерёшься на эмоциях, постоянно открываешь левый фланг!

Я вырвалась из захвата, сделала обманный замах правой и с разворота попыталась достать его ногой в бедро. Он принял удар на жёсткий блок, даже не поморщившись.

— Мне было бы гораздо спокойнее, если бы мы проходили через это вместе! — выговорила я, сглатывая. — Чтобы я видела тебя каждый день, а не гадала, что с тобой тут происходит!

— Ты не понимаешь, о чём говоришь! — Вик попытался сократить дистанцию, связать мои руки в клинче.

— Именно поэтому, — я разорвала дистанцию и посмотрела на него в упор, тяжело переводя дыхание, — я сегодня поговорила с бабушкой. И он одобрил мою идею. Мы будем выходить на городские зачистки вместе. Я стану богоборцем.

Услышав это, Вик переменялся в лице. Зрачки расширились, сосредоточенность слетела в один миг с лица. Он выбросил вперёд жёсткий встречный блок, совмещённый с толчком, — и я не успела просчитать эту возросшую силу. Сдавленно охнув, я тяжело рухнула на маты, едва успев сгруппироваться.

— Ди!! — его голос ударил мне в уши ещё в полёте.

Вик преодолел разделявшее нас расстояние мгновенно, упал передо мной на колени, судорожно подхватил за талию, прижимая к своей груди.

— Боже прости меня, я не хотел, я не рассчитал — слова сбивались, он испуганно заглядывал мне в глаза.

Я никогда прежде не видела его таким напуганным. Это заворожило и напугало меня. Но уже в следующую секунду его паника переплавилась в неконтролируемый гнев.

— Богоборцы?! Ты хоть соображаешь, какую смертоносную глупость ты совершила? Ты вообще понимаешь, что это за ведомство?!

— Я понимаю, что это мой единственный шанс быть рядом с тобой! — упрямо выговорила я, морщась от пульсирующей боли в плече, куда пришёлся его удар.

— Это стукачи, Ди! — Вик уже почти тряс меня за плечи. — Это тихие убийцы, которые выворачивают человеческие умы наизнанку, донося на них! Я пошёл в СОФ, чтобы держать тебя как можно дальше от всей этой гнили! Я костями лягу, но не пущу тебя в этот проклятый город!

— Но ведь ты сам будешь рядом со мной! — я вцепилась пальцами в его плечи, притягивая к себе. — Бабушка сказал, что богоборцы работают в связке с оперативниками СОФ! Ты сможешь защитить меня, если что-то пойдёт не так!

— Тебе как будто пять лет. Ты не понимаешь, что это значит.

— Понимаю!

— Мы поговорим об этом позже, — жёстко отрезал он. — Разговор окончен. Идём в раздевалку.

Вик помог мне подняться, придерживая за спину, и увёл обратно в помещение душевого блока. Он молча повернул тяжёлый латунный кран на стене. Из массивных верхних леек хлынули горячие потоки, в несколько секунд затянувшие всё пространство густым паром.

Мы шагнули под струи прямо так, как были — в тренировочной одежде. Мокрая ткань мгновенно потяжелела, потемнела, насквозь облепила тела. Мы просто стояли друг напротив друга.

Горячее марево кружило голову, вымывая остатки здравого смысла. В какой-то момент движения потеряли всякую размеренность. Вик издал глухой, утробный стон, резко развернул меня к себе лицом и с силой прижал спиной к мокрой, скользкой плитке. Его губы, горячие и влажные от брызг, намертво впились в мои в голодном поцелуе.

Эмоций в нас бурлило слишком много. Не снимая отяжелевшей одежды, Вик крепко перехватил мои бёдра, приподнимая над полом. Мы цеплялись друг за друга сквозь водяную завесу. Тела с силой, ритмично и тяжело тёрлись друг о друга сквозь слои мокрой тренировочной ткани — отчаянный, изнуряющий акт обладания. Вода заливала глаза, дыхание перехватывало, а голова кружилась от близости и этого трения, доводящего до иступления.

Когда всё закончилось, Вик ещё очень долго стоял неподвижно, крепко прижимая меня к себе. Вода стекала по его плечам. Ему нужно было переодеться и возвращаться к тренировкам, а мне — возвращаться в своё одиночество. Это было неизбежно. К сожалению.

Мы одевались молча. Звуки стали приглушенными, чужими: шорох ткани, лязг пряжки, приглушённый вздох. Я затянула пояс, расправила влажные ещё рукава, чувствуя, как стынет кожа под остывающей одеждой. Ощущение не было приятным, но другой одежды под рукой не было. Вик стоял ко мне вполборота, не поднимая глаз, застёгивая брюки, одёргивая футболку — каждое движение было сосредоточенным, словно он запечатывал себя обратно в броню.

И тут эту тишину нарушил короткий электронный сигнал. На скамейке, среди скомканных полотенец, загорелся экран его телефона. Я невольно скользнула взглядом туда — и дыхание перехватило.

На заставке телефона, подсвеченная мягким контуром, была я. То самое фото, которое он сделал в лифте в первые наши дни здесь, когда нам только раздали гаджеты для связи. Мы тогда дурачились, я пыталась закрыться ладонью, смеялась, а он поймал этот миг.

И теперь я была у него на заставке.

Мне стало понятно, почему та Нина смотрела на меня так, будто знала меня.

Вик перехватил мой взгляд. Ни слова не говоря, он сгрёб телефон со скамейки и сунул в карман.

Я вздохнула и пошла сушиться феном.

Затем Вик проводил меня до лифта пустыми коридорами — скрывая от чужих глаз. У самых дверей я остановилась. Он уже тянулся к кнопке вызова.

— Ты злишься на меня? — спросила я тихо.

Он не ответил. Палец вдавил кнопку, подсветка загорелась мягким жёлтым. Механизм где-то в шахте ожил.

Я поймала его руку, не дав убрать её, и прижала ладонью к своей щеке.

— Я люблю тебя, — сказала я. — Прости меня.

Вик сделал паузу. Он не отнимал руки, но и не сделал шага навстречу. Его взгляд медленно прошёлся по моему лицу — лоб, глаза, губы, — словно он что-то искал или вспоминал. Потом он коротко кивнул.

Двери лифта разъехались. Я нехотя вошла. Как только створки сомкнулись за моей спиной, сверху, с той стороны, раздался внезапный удар — словно кулак врезался в металл.

Я зажмурила глаза. По щекам побежали слёзы, горячие и быстрые. И сквозь эту солёную пелену билась одна мысль: неужели всё, на чём теперь держатся наши отношения, — это только плотская страсть? Как мы до такого дошли? Мы же так долго строили наше доверие. Здесь лишь моя вина? Да. Вина лишь моя.

Я поднялась на свой жилой уровень в состоянии глубокого опустошения. Тело приятно ныло после спарринга, но ушибленное плечо саднило. Коридоры этажа были погружены в полудрёму ночного режима.

И как это место можно звать «домом»?

Проходя мимо центрального холла, я вдруг заметила знакомый силуэт в белом пальто — характерно высокий, скользнувший в сторону закрытой панорамной галереи.

Элмис? Тот самый парапсихолог?

Его появление здесь не укладывалось ни в какую логику. Его персональный жилой блок и лаборатории располагались на верхнем уровне башни, и его присутствие здесь, в столь поздний час, не поддавалось обычным объяснениям.

Ведомая тревожным предчувствием, я бесшумно двинулась следом, ступая по мягкому ковровому покрытию коридора в сторону галереи.

Элмис быстрым шагом пересёк холл с искусственным двенадцатиметровым водопадом, мерно и тяжело шумевшим в темноте, и вошёл в полупустой, уединённый ресторанчик для высшего административного персонала этажа.

Я скользнула за ним через автоматические створки и опустилась на мягкий диван в глубокой нише, отгороженной живыми папоротниками. Позиция была идеальной: я оставалась совершенно невидимой, но могла слышать и даже видеть его.

Элмис сидел за угловым столиком у окна. Напротив него, лениво покачивая бокал с тёмной жидкостью, восседала Ода Гербель — в строгом белом костюме, с идеальной укладкой, которая говорила о статусе даже при этом приглушённом свете.

— Твои последние аналитические отчёты по сыворотке ментального контроля вызывают слишком много раздражения и вопросов у членов Совета, Элмис, — донёсся до меня её над-

менный голос. — Весь процесс идёт недопустимо медленно. Мы теряем драгоценное время, Дьявольский час наступает каждую ночь, а у нас до сих пор нет стабильного, прогнозируемого результата по поведенческой фиксации подопытных.

— Я делаю всё, что в моих силах, — спокойно ответил Элмис, потирая переносицу. — Биохимия человеческого страха — это не та структура, которую можно настроить парой щелчков на сенсорном терминале. Если мы начнём форсировать события и увеличим дозировку излучателей, мы просто выжжем подопытным ключевые мозговые центры. Получим стадо пустых овощей вместо управляемого контингента. Уверен, это не то, что ты хочешь продемонстрировать Совету.

Ода сделала крошечный глоток, и на её иссохшем лице застыло безразличие.

— Конечно, нет. Но теперь твоя очередь действовать более радикально, мой дорогой, — тихо произнесла она.

— И чего же именно ты желаешь от меня на этот раз? — в интонации Элмиса проскользнул раздраженный подтекст.

— Среди общего потока новых резидентов, прибывших с последней волной, есть один конкретный субъект, который слишком сильно выделяется на общем фоне, — Ода наклонилась чуть ближе, понижая голос, но мое положение позволяло мне слышать все. — Я практически уверена, что это именно то, что нам нужно Наш последний элемент. Ты прекрасно знаешь, что необходимо сделать в подобном случае. Так что просто походи и выполни свою работу. Без лишних сантиментов и жалости. Ты меня понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.